

*ПО БЕЛЫМ
КЛАВИШАМ В
ЧЕТЫРЕ РУКИ*

Анна Аникина

© 2015

Анна Аникина

**По белым клавишам
в четыре руки**

«Литнет»

2025

Аникина А.

По белым клавишам в четыре руки / А. Аникина — «Литнет»,
2025

Всё же в юности отчаянно хочется видеть в людях хорошее и верить в любовь. Особенно, когда весенний ветер становится тёплым и сладким. Рассветы яркими. Москва - буйно цветущей тюльпанами всех возможных сортов и оттенков. Женя загадала, что в этом чудесном городе она однажды обязательно встретит настоящую любовь.

© Аникина А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	43
Глава 20	45
Глава 21	47
Глава 22	49
Глава 23	51
Глава 24	53
Глава 25	55
Глава 26	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1

Глава 1

После сонного, провинциального Архангельска, затерянного в приполярной дымке, Москва обрушилась на Женю оглушительным громом.

Город не просто требовал – он поглощал в свой бешеный ритм, заставляя сердце стучать в унисон с его лихорадочной пульсацией. Казалось, каждую секунду нужно было сдавать норматив по бегу на выживание. Огни, лица, автомобили – всё сливалось в единый, гипнотический калейдоскоп.

Скорость, энергия, свет!

Настоящий Третий концерт Рахманинова, воплощенный в камне и стекле. Безумный темп. Ритм, скрежет тормозов – удары литавр, гудки машин – триумфальные фанфары!

Столица обрушивалась на провинциалку подобно ледяному душу, безжалостно пробуждая и подстегивая к действию. В голове Жени Богуславской всегда звучала музыка, с самого детства, задолго до того, как её пальцы впервые коснулись клавиш фортепиано.

Музыка была её тенью, её верным спутником. В утробном рыке автомобильного мотора, в трепетном щебете птиц, в гудящем стоне электрических проводов под порывами ветра, в ласковом плеске волны, в мерном перестуке колес поезда – в каждом звуке Женя слышала сокрытую мелодию. Иногда рождавшуюся из глубин её собственного воображения, а когда начала учиться музыке – узнавала знакомые музыкальные фразы.

Даже люди звучали. Каждый по-своему, уникально. Были люди – вальсы, легкие и пленительные. Люди – марши, чёткие и уверенные. А встречались и люди – хаотичная какофония, раздражающая слух.

В родном Архангельске время текло неспешно. Город жил в темпе *andante*. Дневная же Москва предлагала единственный, безальтернативный вариант – *allegro*, лишь изредка сбавляя обороты до *allegro moderato*. И только позд *nocturnal* её улицы погружались в *largo* и *lento*.

После окончания Архангельского музыкального колледжа поступить в Московскую государственную консерваторию имени Чайковского – мечта, казавшаяся несбыточной. Но Женя, словно по мановению волшебной палочки, одержала победу на конкурсе в Санкт-Петербурге ещё зимой. И сам профессор Соколов, легенда фортепианного искусства, лично пригласил ее к себе на курс.

Удача улыбнулась ей: именно в этом году профессор набирал новый курс пианистов после длительного перерыва. Богуславская поступила. Почти невероятно. На бюджет. В Москву. Сама.

Никто не верил. А Светка Куренкова, её извечная соперница, не прошедшая даже в финал того злополучного конкурса, распускала одну нелепую сплетню за другой. То клялась и божилась, что Женя соблазняла членов жюри своими томными взглядами, при этом сама сыграла, как "курица лапой". То шептала, что у профессора Соколова какие-то тайные связи с семьей Богуславской. То всплывали истории о гигантской взятке, тайно переправленной в Москву чуть ли не шпионскими путями.

Бред сивой кобылы! Но люди – странные создания. Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё верят. Куда охотнее, чем в простую и незатейливую правду.

Правда была слишком скучна, слишком банальна. В ней не было места для пересудов и осуждения. Хотя, разумеется, при желании в жизни любого человека можно найти зацепку для сплетен и пересудов.

Семья у Жени была простая, далёкая от музыки, как Архангельск от Москвы, а то и дальше. Да, Евгения действительно улыбалась на конкурсе. Но не членам жюри, а детям из

ЦМШ, сидевшим в зале с широко распахнутыми от восторга глазами. Техника у Богуславской была отнюдь не "куриной".

А про взятку и вовсе наглая ложь. Откуда у них такие деньги?

В Москве Богуславской предоставили место в общежитии. Женя даже не успела начать уговаривать, хотя, наслушавшись разговоров в приёмной комиссии, готовилась к долгой и бесплодной борьбе за "место под солнцем".

Это была обычная длинная кирпичная пятиэтажка. Но зато в центре – на Малой Грузинской. В двух шагах от Биологического музея и Московского зоопарка.

Настоящая Москва! Первые дни Женя боялась отойти дальше, чем на квартал. Вдруг потеряется. Но постепенно освоилась в окрестностях. До консерватории ходила пешком, наслаждаясь видами и вдыхая столичный воздух, который пах иначе, чем дома. Тридцать пять минут неспешным шагом.

Метро её пока пугало и завораживало одновременно. В этих подземных дворцах и тоннелях было что-то мистическое. Схема Московского метрополитена вызвала эстетический шок своим многоцветием. Но чувства порядка и безопасности не добавляла.

Августовская Москва, как потом выяснилось, была самым медленным вариантом этого города. В сентябре, с началом учебного года, она ускорялась до темпа знаменитого Вальса Евгения Доги из фильма "Мой ласковый и нежный зверь". Так что – только успевай переставлять ноги. Фильм Жене не нравился, несмотря на красивых актёров и драматичную историю. А вот вальс неожиданно пришёлся по душе, хотя, конечно, был совсем не сложным для исполнения.

Вальсы были её особой слабостью. Женя могла слушать и играть их бесконечно. Танцевала, правда, весьма посредственно. Вальсы Шопена занимали в её музыкальной вселенной особое место. Она, казалось, знала о них всё и даже немного больше любого преподавателя истории музыки и музыкальной литературы. Играть же до начала учебного года можно было только на стареньком послевоенном фортепиано "Ростов-Дон" в общежитии. Но инструмент был добротный, хорошо настроенный.

Женя усаживалась на табурет, подстраивала высоту под себя, закрывала глаза, ставила руки на клавиши... И плыла по волнам волшебных, чарующих звуков.

Глава 2

2.

Рассчитывать, что учиться в Московской консерватории будет легко, было бы крайней глупостью. Женя конечно же так не думала. Она мысленно готовилась впахивать. Даже не "Учиться, учиться и, ещё раз, учиться!", как завещал потомкам Владимир Ильич Ленин.

Плакат с этой цитатой всё ещё висел в музыкальной школе. Наверное, потому что был актуален, несмотря на все политические перемены. Евгения готовилась тяжело трудиться. Вкладывать интеллектуальные и физические усилия в процесс приобретения знаний, умений и навыков. Желательно очень высокого уровня. Иначе зачем учиться в лучшем музыкальном учебном заведении.

Ожидания от учёбы в консерватории оправдались на триста процентов. Откуда-то из недр школьных знаний математики Богуславская помнила, что если просто "триста процентов", то это в три раза больше. А вот если "на триста процентов", то это уже в четыре.

Профессор Михаил Илларионович Соколов терпеть не мог бездельников, прикрывающихся талантом. Эту нелюбовь он демонстрировал и пропагандировал на каждом занятии. Словно пытался сдвинуть своих студентов с выбранного пути, создавая им препятствия.

- Искусство? Где вы видите тут искусство, пока не можете попадать по клавишам в нужном темпе? Это спорт! Быстрее, выше, сильнее! Искусство будет у тех, кто станет олимпийским чемпионом! И то - не факт. Быстро стучать по клавишам, попадая при этом в ноты, может и пятилетний китаец! Только он пока не может охватить разумом масштаб мысли композитора и спектр эмоций! А мысль у вас а голове - вот это Божий промысел! Не ваша личная заслуга! Не обольщайтесь! Нельзя играть "ни о чём"! Надо, чтобы сердце на разрыв! Ясно вам! - голос у Соколова был яркий и насыщенный. Ему бы в опере петь, а не преподавать пианистам специальность.

У него в группе студентов было всего одиннадцать человек. Все москвичи, кроме Богуславской. Даже те, на кого она никогда бы и не подумала. Кореец До-юн Хван, армянка Кринэ Ватян и грузин Котэ Джапаридзе родились и выросли в Москве. Вот уж, воистину - столица являлась плавильным котлом народов. И не суди человека ни по имени, ни по внешности.

Архангелогородку Богуславскую тут же окрестили "Ломоносовым" и долго и смачно мусолили шутки про то, что Женька везла в обозе рыбу, завернутую в нотную бумагу, а сама шла в Москву пешком, попевая за телегой.

Насмотрелись, видимо, советского кино. Вера Спивак однажды даже показательно понюхала Женину папку для нот. Это было обидно и унижительно. Как ответить, Женя быстро не придумала. Не хватило нахальства. Ну а после драки никакого толку кулаками махать. Поэтому оставалось горько плакать за закрытой дверью уже в общежитии.

Ну и говор, конечно. Как же без него! Говор предательски выдавал! Женя всегда считала, что у неё в семье говорят на очень чистом русском языке. Но только приехав в Москву, обнаружила наличие у себя поморского диалекта.

- Что, Женечка, твоя нова одёжа? - кивала на Женины обновки, купленные уже в Москве, Ира Лапина, растягивая гласные.

Превосходный музыкальный слух был, конечно, у всех. Тонкости Жениного произношения моментально улавливались и легко воспроизводились. Всем было весело видеть её растерянное лицо, когда Богуславская искренне не понимала, что не так она произнесла. Она и сама была не рада, что её голосовой аппарат пока никак не настроится на широкое "а". И наличие йотированных гласных.

Были мысли даже найти преподавателя по речи. Не разрабатывать же произношение, как героиня Ирины Мурьёвой в фильме "Карнавал", засунув в рот орехи.

Бабушка говорила, что человеку не просто так даны два уха и только один рот. Женя про себя решила, что будет меньше говорить, а больше слушать. Очень внимательно. Как песню на иностранном языке. Ведь у неё всегда отлично получалось спеть что угодно, даже если она не понимала ни одного слова. С итальянским понятно как раз. Множество опер на этом языке. С немецким тоже просто. Прабабушка на идиш разговаривала. И думала, что маленькая Женечка не понимает. Английский в школе легко давался. В хоре Богуславская пела по-сербски, по-корейски, по-фински. Освоит и "московский". Никуда не денется. Было бы желание и упорство. Ни тем, ни другим Женя не была обделена. Раз уж приехала - борись.

- Пош... Почему завтра ко второй паре? - ухватывала она за хвост привычное "Пошто?".

- Иш... Ещё немного посижу тут, - радовалась как ребёнок своим успехам. Думала, вот дома-то удивятся, как она теперь говорит.

Пианисты - это как певцы с похожими голосами - всегда конкуренты. Программа у всей группы была практически одинаковая. Возможности проявить свою индивидуальность - пока самый минимум. Полифоническое произведение, этюд, развернутая пьеса или две-три миниатюры разных стилей. Вот и весь "ассортимент".

Техника у всех была приличная. Иначе бы они все здесь не учились.

Но всё же Богуславской от профессора доставалось больше остальных. Жене казалось, что она бесталанная. Ей больше всего замечаний. И больше всего заданий на самостоятельную работу.

Глава 3

3.

Глаза на истинные причины такого жесткого отношения профессора именно к студентке Богуславской открыл Жене Котэ Джапаридзе. Ближе к концу первого курса. Совершенно неожиданно.

Сначала парень вдруг перестал поддерживать общие приколы вокруг Жениной провинциальности. Богуславская тогда решила, что у Константина просто хмурое настроение и он потому не подхватил традиционную шутку, ставшую уже мемом.

Потом неожиданно Котэ сделал для неё копию нот нового произведения. Правда, молча положил их на рояль и ушёл, ещё и увесисто хлопнув дверью, будто это Женья о чем-то сама просила и теперь виновата, что ему пришлось этим заниматься.

И в довершение всего выдал фразу, смысл которой доходил до девушки долго. Всю дорогу от консы до общежития.

- Ты, Богуславская, не понимаешь, как тебе повезло! Профессор разбирает тебя по косточкам! Все ошибки тебе на блюде с голубой каемочкой! Каждый такт в подробностях! Другие только мечтают о таком внимании! Потому что он считает тебя самой талантливой из нас! Он говорит, что твои пальцы могут извлекать музыку, а не набор звуков! - сказал Джапаридзе запальчиво и посмотрел прямо на Женины руки.

Она смутилась и спрятала ладони за спину. Своих рук Богуславская стеснялась. Ладони слишком широкие. Пальцы длинные. Маникюр в дорожном салоне, куда ходили все девочки из её группы, был совсем не по карману. Стиль "бедненько, но чистенько", как метко определила их староста Ира Лапина.

Вообще-то, нет никаких достоверных сведений о том, что успеха добиваются только те, у кого рука может взять дециму (десять клавиш). Рахманинов, тот вообще охватывал квинту через октаву (двенадцать белых клавиш). Правда, и музыку он тоже писал под свои руки. Реальность же такова, что важен не размер. А умение пользоваться своими руками. И никакие длинные пальцы в сочетании со слабыми мышцами спины не подарят миру пианиста - виртуоза.

Богуславская как раз брала эту самую заветную "дециму". Но личным достижением не считала. Это же как рост или размер ноги. Не особо повлияешь. Что Бог дал. Но такими дарами разбрасываться грех.

Женья ясно помнила поход в Поморскую филармонию на концерт великого Николая Петрова. Они пошли с бабушкой. Как и где удалось урвать аж два билета в пятый ряд, Женья так никогда и не узнала. Для денежных вопросов она была тогда слишком мала. Это теперь взрослым умом понимала, что стоило такое сокровище немалых средств. Но на её образование бабушка всегда где-то изыскивала. И вот на такое совсем роскошное удовольствие тоже где-то нашла.

Ещё перед входом Женечка разглядывала афишу. И смотрела почему-то именно на руки Николая Арнольдовича. Потом вынула из варежек на резинках свои. Растопырила ладонь.

Оглядела. Ещё раз внимательно глянула на афишу. Ей было совершенно непонятно, как такими огромными, похожими на сардельки, пальцами Петров будет попадать по клавишам.

Готический зал с органом и чёрный рояль на сцене. Полно народу. Только что на люстрах не висят. Красивые красные бархатные стулья с высокими деревянными спинками.

Когда крупный и грузный Петров вышел на сцену, большой концертный инструмент рядом с ним тут же превратился чуть ли не в игрушечный. А стоило ему положить руки на клавиши, Женя уже серьёзно занервничала. Как? Как он будет играть?

Но вот первые ноты из-под рук этого совсем не изящного человека прозвучали. И у Женечки дыхание замерло. Тысячи раз она потом слушала исполнение Петрова. Прокофьева, Листа, особенно любимого Николаем Арнольдовичем Щедрина. И каждый раз живо представляла себе этого музыканта именно в зале филармонии в Архангельске. Фигуру вполне земного человека с руками работяги, из-под совсем не изящных пальцев которого лилась музыка божественной ясности и красоты!

Руки музыканта - его просто главный рабочий инструмент. Так вот, оказывается, в чём дело! Женя припомнила интервью Николая Цискаридзе. Тот как раз говорил о том, что обращает внимание и указывает на ошибки только тем, кого действительно считает способным. Кому есть, зачем объяснять. Из кого выйдет что-то вразумительное в профессии. А на остальных просто не тратит время.

Эта мысль сначала окрылила. Но Богуславская моментально поймала её за хвост на взлете и приземлила. Ишь как вдруг захотелось поверить в то, что слова Котэ - правда!

И ещё захотелось, чтобы его внимание было адресовано не её рукам и способностями, а ей лично. А вот это уже куда опаснее, чем вера в собственный талант.

Глава 4

Глава 4.

И всё же в юности отчаянно хочется видеть в людях хорошее и верить в любовь. Особенно, когда на весенний ветер становится тёплым и сладким. Рассветы яркими. Небо - высоким, голубым и чистым. Москва – буйно цветущей тюльпанами всех возможных сортов и оттенков.

Весна в Москве началась как-то резко. Будто неожиданно нажали кнопку. Одновременно отключили вентилятор северного ветра и душ холодного дождя, а включили прожектор яркого солнца, заливающий светом весь город, проникающий в окна и греющий сердце.

Женя загадала, что в этом чудесном огромном городе она однажды обязательно встретит настоящую любовь. Вероятность мала? Но чудеса же случаются! И в этот момент почему-то встретила взглядом с Котэ.

Тот стоял, опираясь спиной на белую колонну главного входа. Руки в карманах. Высокий. С модной выющейся шевелюрой. Спина прямая. Выдающиеся профиль, как с монет времен Римской империи. Константин. Как император!

Богуславская сразу вспомнила про Константина Великого и его свершения. Интересно, такие "глыбы" рода человеческого рождались только тогда? Или сейчас, в современном мире, человек всё так же способен на великие дела? Говорят, что нынешние люди мельче. Не в физическом смысле, разумеется. Но надеяться на лучшее никто не запрещает.

Женя отвела глаза первой. Вчитываться во взгляд Джапаридзе стало страшновато. Таилось там что-то такое стихийное, похожее по ощущениям на прыжок со скалы. Или на на "La Campanella" Франца Листа. Совсем другое. Почти противоположное.

Это она определить не успела. Вот только сердце забилось часто-часто. И ладони стали мокрыми.

Мимо в модных туфлях на изящных каблуках продефилировала их староста. Сначала мельком глянула на Джапаридзе. Потом, уже намного пристальнее – на Богуславскую. Осмотрела её от кудрявых тёмных волос до стареньких туфель-лодочек на плоском ходу. И очень выразительно хмыкнула.

Женя вспыхнула. Не только лицом. А всем телом. Знала, что шея у неё сейчас точно в некрасивых ярких красных пятнах.

Именно из-за этого своего свойства – моментально предательски краснеть, когда на неё критически смотрят, Богуславская и носила на выступления платья с высоким закрытым воротом и длинными объемными рукавами. А тут Лапина её врасплох застала.

Стало неловко. Она и без этого не чета московским сокурсницам. Оставалось одно – позорно сбежать. Могла бы – испарилась. Не стоять же светофором у всех на виду.

Женя спешно шла по тротуару в сторону общежития. Её не покидало чувство, что Котэ идёт следом. Она даже останавливалась и оборачивалась несколько раз, будто в шпионском фильме.

Добравшись, закрыла дверь. И тихо сползла по ней на пол. Колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Через несколько дней Женя вдруг увидела Котэ за роялем. Нет, она и раньше видела, как он играет. Но тем утром ей показалось, что она видит его впервые.

И фигуру. И длинные ноги. Ступни на педали. Округлую линию кисти. Широкие плечи. И лицо. Особенно лицо!

Константин Джапаридзе за роялем вдруг оказался произведение искусства сам по себе. Да ещё и играл из Жениного любимого - "Вальс ми минор" Шопена.

Сейчас вступление. Всё громче и громче. А потом музыка будто рассыплется ярким блестящим бисером из какой-то диковинной шкатулки. Жене не надо было видеть ноты. Она их помнила глазами и руками. Они летели по строчкам, будто птицы. И такими же птицами летели сейчас звуки из-под мужских талантливых рук Котэ Джапаридзе.

Женя глянула в открытое окно. Поймала левым глазом тёплый солнечный луч. Подставила щеку. И вдруг сама себе улыбнулась.

– Стоп! – громкий голос профессора прервал исполнение довольно резко.

Женя вздрогнула от неожиданности. Ей стало очевидно, что сейчас последует критика. Но разве не сам Котэ говорил, что критика преподавателя – это хорошо. И по его же словам получается, что это надо особенно ценить.

– Я не стану сейчас разбирать Ваше исполнение, Константин!

Жене показалось, что Котэ выдохнул с облегчением. Ещё бы. Кому хочется слушать подробный разбор в присутствии всей группы. Уж она-то нахлебалась полной ложкой этого больше всех за учебный год.

– Я не стану только по одной причине, – профессор повесил длинную паузу в воздух, – Богуславская улыбалась, слушая Вас. А значит, в Вашем исполнении таки была душа, а не только эта ваша хвалёная механическая техника.

Все снова уставились на Женю. Два десятка жалящих лазерных лучей.

Ей хотелось провалиться сквозь пол, а потом и сквозь землю. Прямо на крышу какого-нибудь поезда метро.

Закрыв лицо руками, она опрометью, не спросив разрешения преподавателя, выскочила из аудитории. Рыдания душили.

Зачем же профессор так с ней? За что? За улыбку? Женя прижалась лбом к холодному стеклу окна, выходящего на дворы.

– А ведь Соколов прав..., – буквально через минуту раздался у неё за спиной голос Котэ, – Я играл это для тебя. И ты почувствовала.

Глава 5

Глава 5

Женя аж зажмурилась. Перед закрытыми веками побежали цветные точки. А потом она сильно ущипнула себя.

Нереальщина же! Нет? Не сон?

Ноги мгновенно стали ватными. Она ухватила за массивный подоконник. Всё же раньше строили на века. Подоконник оказался крепким и выдержал натиск её эмоций.

Мысли в голову лезли самые дурацкие. Вовсе не подходящие к моменту. Котэ Джапаридзе только что сказал, что играл этот вальс для неё! А в её бестолкового голове крутится фамилия архитектора здания Московской консерватории. Что-то про какой-то город. И никак не вспомнится. Точно про город. Не лошадиная фамилия. Да как же его?!

Другие мысли отказывались двигаться дальше, будто на пути образовалась пробка.

– Как фамилия архитектора, который консу строил? – выдала Женя вслух мучивший её вопрос совершенно обалдевшему Константину.

Тот прищурился. И потёр указательным пальцем левый висок. Он левша?

Мысль у Жени просто перепрыгнула барьер из предыдущего вопроса. Но потом дисциплинированно вернулась в строй.

– Загорский, кажется... А почему ты спрашиваешь? – выдал Котэ после небольшой паузы.

– Точно! Загорский. Помню, что фамилия про город. Загорск. Есть же такой? – Женя вдруг осмелела и даже глаза на Костю подняла.

– Есть. Только ему вернули старое название. Сергиев Посад называется. Но был Загорск. Это точно. Там Лавра. А зачем тебе?

Женя пожала плечами. Надо было, наверное, что-то объяснить. Но не перескажешь же весь ход своих мыслей. Снова стало неловко. Хотелось казаться умной, но не получалось. Ничего толкового она ни про Загорск, ни про архитектора Загорского не знала.

– Давай съездим в выходные. На машине. Вдвоём. Если хочешь...

– Куда? – Женя часто заморгала.

– В Загорск. Тот, что теперь Сергиев Посад. Если тебе интересно.

Как ответить? Стоит ли сделать равнодушное лицо? Или дать волю своим настоящим эмоциям?

Женя старалась думать очень быстро. Но чем больше старалась ускориться, тем медленнее у неё получалось.

– Я за тобой в субботу заеду. В общагу. Давай часов в десять. Нормально? Успеешь собраться? – Джапаридзе думал явно быстрее.

Зря. Ох, зря Котэ задал Жене этот вопрос. В ночь с пятницы она почти не спала. Мысли метались. Никакой стройной мелодии в голове не складывалось. Хотелось поймать их за длинные хвосты, как птиц, и рассадить на нотный стан в каком-то вменяемом порядке. Чтобы стройно звучало. Пусть не мелодией, но хотя бы самой простой гаммой.

Субботним утром Богуславская была готова к выходу ещё без четверти девять. Она в пятнадцатый раз посмотрела на себя в зеркало. Двадцатый раз проверила содержимое сумочки. И примерно сотый раз посмотрела на часы.

В голове у неё звучал "Танец с саблями" Арама Хачатуряна. Между прочим, хит Чикагского симфонического оркестра конца сороковых годов.

Иногда Женя не могла понять, зачем в её голове оседает куча всякой околomuзыкальной информации. Но все же ей казалось, что когда знаешь больше, чем просто ноты произведения, то можешь понять его глубже.

Котэ подъехал вовремя. Женя дёрнула ручку пассажирской двери. Она не поддалась. Парень со своего места открыл ей дверь изнутри.

Богуславская совсем не изящно влезла в машину на переднее сидение. Внутри предательски царапнуло, что он не вышел, не открыл ей дверь и не помог сесть.

– Ремень, - напомнил Котэ.

– Что?

– Ремень пристегни.

– Как?

Женя непонимающе оглянулась. Нашла конструкцию. Попробовала. Дернула. Потом ещё раз. И ещё.

Ремень заклинило.

– погоди, я сам. Ты не умеешь, что ли? – в голосе Котэ промелькнуло что-то чуть большее, чем просто недоумение. Но этот небольшой оттенок Жена не смогла идентифицировать. Уж очень нервничала.

Богуславская замотала головой. Она не умела. Да и откуда. В её семье машины не было. Сама себе она сейчас напоминала самку кенгуру. Лапки у груди сжимали сумочку. Было ужасно неловко.

Можно же было, наверное, не так сильно переживать. А Котэ так органично смотрелся за рулём, что Женя залюбовалась.

Надо же! Как же мужчине может подходить автомобиль, а не только рояль! Доехали быстро. Женя старательно пыталась запомнить каждую деталь этой поездки. Но чем больше старалась, тем хуже получалось.

По радио звучала какая-то вполне современная музыка. Слова толком нельзя было разобрать. Только простенький ритм.

Упца-упца-та-та-та... Без изысков. Пейзажи мелькали.

Фонари были похожи на тактовые черты. А мыслей в голове у Богуславской не осталось. Она была будто под каким-то неведомым кайфом.

Глава 6

Глава 6

Белые стены и золотые купола в зелени свежей листвы появились в поле зрения неожиданно. Женя успела только обалдеть от такой мощи и изящества в одном флаконе. Древняя архитектура веяла силой и основательностью.

В Лавре Константин был явно не впервые. Потому что легко ориентировался. Женя же шла за ним по пятам, чувствуя себя среди всего этого древнего великолепия маленькой и ничемной.

Воистину, велик Бог. Любой. Каким бы именем его не называли люди. В храме шла служба. Женя порадовалась, что она в платье. И платок, памятуя православные традиции посещения церквей, тоже прихватила.

Пел хор.

Котэ стал пробираться сквозь толпу туристов внутрь. Женя следовала за его спиной, как за ледоколом. А потом поняла, что не может сосредоточиться одновременно на движении и музыке. Схватила парня за локоть.

– Стой, пожалуйста.

Константин посмотрел на неё удивлённо. Но остановился.

Женя прикрыла глаза. Вот теперь, когда она не видела спины людей, мерцание огромного количества свечей и строгие лица святых, стало слышно хор. Музыка наполнила собой всё сознание. Будто она была газообразной и вполне осязаемой. Пришла мысль, что хорошо, что это не греческий канон. Он тяжеловесный, трудный. И совершенно не радостный. Словно прибывающий к земле. А эта молитва и правда уносила куда-то в небо.

Ясное трехголосие. Классическое, как на уроке сольфеджио. Но, наверное, можно было бы и интереснее разложить. И разрешение красивое. Мужские чистые голоса.

Хоровой опыт у пианистки Богуславской был богатый. Наверняка певчие со специальным образованием. Ну или невероятного таланта.

– Ты улыбаешься, – очнулась Женя от голоса Котэ прямо ей в ухо.

Открыла глаза. Оказывается, она до сих пор так и держала парня за локоть. Под пальцами ясно прощупывались крепкие мускулы.

Контраст божественного и телесного был настолько ярким, что лицо у Богуславской вспыхнуло. Хотелось кинуться вон из храма. Мгновенно стало душно.

– Пойдем на улицу, – прошептала Женя из последних сил, уже развернувшись к выходу.

Они выбрались во двор Лавры. Богуславскую трясло.

– Жень, ты чего? Плохо тебе? Да? – Котэ так и держал её за руку.

А Женю на части раздирало. С одной стороны, так хотелось, чтобы сильная мужская рука, умеющая извлекать волшебные звуки из клавиш и струн, держала её руку бесконечно долго.

А с другой стороны, какое-то внутреннее чувство шептало, не смея высказаться в полный голос, что надо бы бежать без оглядки.

Что это? Знаки Высших сил? Или просто богатая фантазия? Чему верить?

Женя попыталась отдышаться. И как обычно, здраво проанализировать ситуацию. Это потребовало волевого усилия и немного времени.

Она же уже здесь. Они приехали за много километров. И глупо было бы просто сбежать. Тем более, она понятия не имеет, куда. Следует извлечь из ситуации максимум пользы. Так всегда говорила бабушка.

А какая польза может быть из того, что она здесь? Можно погулять. Съесть мороженого. Или, может быть, пирожок. И дать возможность Котэ вернуть её в Москву комфортно. А не на электричке.

Что в этот момент о Жене думал Джапаридзе, не ясно. Вот только взгляд его и без того тёмных глаз стал, кажется, ещё темнее.

Обедали они в ресторане. Не ограничились мороженым. Женя старалась не думать про деньги и не смотреть на цены. Раз Константин пригласил её, то значит, есть возможность.

На обратном пути Евгения просто уснула в машине. Что избавило от необходимости поддержания разговора.

– Жень, просыпайся. Приехали, – тронул её за руку Котэ.

Богуславской стало неловко.

– Жень, у меня день рождения на следующей неделе, – начал Котэ.

А Женя об этом прекрасно знала. Память на цифры у Богуславской была отменная.

– Жень, я хочу тебя пригласить. На день рождения.

– В клуб? – ахнула Богуславская, судорожно соображая, что же ей надеть в такое заведение.

Всем известно, что вся конса ходит в "Какаду" – клубешник в квартале от их альма-матер. Девочки ещё месяц назад обсуждали, что на день рождения Джапаридзе может закатить масштабную вечеринку. А у неё из приличной одежды на такой случай совсем ничего.

– Нет, Жень, не в клуб, – притормозил её мысли Котэ.

– А куда?

– Домой. Ко мне. Будет семейный сбор.

– Хорошо. Я приду, – кивнула Богуславская.

И только потом, когда Котэ сел в машину, развернулся и уехал, у Жени в голове возникла сотня вопросов.

Почему вдруг он решил её пригласить? Почему именно её? В качестве кого?

Глава 7

Глава 7

С одной стороны, Женя радовалась. Молодой человек из приличной московской семьи пригласил её в гости. И не просто так. Не ноты показать. Хотя, это, наверное, странный повод для современных людей. Да и раньше мало кто мог быть заинтересован в таком поводе для похода в гости.

А на день рождения. Правда, последнее обстоятельство обзывало теперь к подарку. Только что она может подарить человеку, у которого, по её понятиям, всё есть?

Мысль про ноты оказалась интересной. Что может подарить пианист пианисту? Что может иметь ценность? Записи выступлений сейчас есть в электронном виде. Кто хочешь, в любом году. Живое исполнение. Со всеми огрехами и нюансами исполнительской подачи. Не студийный причесанный звукорежиссером вариант. Ещё иногда и с видео, что немаловажно. А ноты – это, как ни крути, ценность.

Странно, но специальных нотных магазинов в Москве было только два. На Тверском бульваре, где небольшая вертикальная надпись "Ноты" терялась на фоне большой и горизонтальной "Мир Виски". И в Воротниковском переулке, прямо рядом с Садовым кольцом в странном современном доме.

Богуславской больше нравился нотный на Тверском. И узкой лестницей, и окнами, выходящими на бульвар, и портретами композиторов в неожиданно шестиугольных рамках.

Там было, как выражались её сокурсники, атмосферно. Случайных людей в таких местах не встретишь. Это же не художественная литература. А вот какого-нибудь персонажа, листающего ноты оперы "Очарованный странник" Родиона Щедрина одной левой рукой, а другой при этом дирижирующего невидимым оркестром – это пожалуйста. Это сколько угодно.

В нотном магазине Женя чувствовала себя членом некоего тайного общества. Особенным человеком, умеющим читать на загадочном языке.

В подарок для Котэ она выбрала Чайковского. Издание редкое, но не баснословно дорогое. Колыбельная из оперы "Мазепа".

Продавщица, милая молодая женщина, пояснила Жене, что если бы издание было 1931 года, то ноты стоили бы целое состояние. Но это уже 1949. Хотя дизайн такой же.

Теперь оставалось решить вопрос с одеждой. Критический осмотр гардероба результатов не дал. Ну не идти же на день рождения в чёрном закрытом концертном платье в пол.

Женина бабушка придерживалась мнения, что ноги пианисток во время исполнения выглядят конечно лучше, чем у арфисток, вынужденных держать колени разведенными, но всё равно – недостаточно эстетично. Поэтому с первого же класса музыкальной школы концертные платья Богуславской были исключительно прикрывающими ноги целиком.

Ноги и то место, из которого они растут, Женя тоже критически оглядела. Ноги как ноги. Вполне себе. Стесняться нечего. Разве что, икры слегка тяжеловаты. И лодыжки не хрупкие. Ну так, и откуда бы им взяться. Тонкокостных особ у них в роду не водилось.

Богуславская решила прогуляться до торгового центра. Не то чтоб надеясь на удачу. Но с целью прикинуть, что в принципе можно было бы считать приличным вариантом.

Платье пыльно розового цвета в большой белый горох словно ждало её. Нужного размера и нужной длины. А цена...

Женя вдохнула и выдохнула. В конце концов, билет домой у неё уже куплен. На скромную жизнь должно хватить. И потом – девушка она или нет, в конце то концов? Положено ей хотеть новое платье? Да!

Котэ заехал за ней на машине. Женя выпорхнула из дверей общежития, чувствуя себя бабочкой, только недавно появившейся из кокона.

Протянула ему ноты, завернутые в подарочную бумагу. Они с продавщицей в нотном долго выбирали, какая уместнее.

- Поздравляю тебя с днём рождения! - выпалила Богуславская и чмокнула именинника куда-то в щеку, успев вдохнуть аромат его парфюма.

– Спасибо! Садись, – и Джапаридзе бросил Женин подарок на заднее сидение.

Богуславская едва удержала лицо, чтобы не поморщиться. С одной стороны, это теперь его вещь. Пусть делает, что хочет. Но с другой – мог бы хотя бы посмотреть, что внутри. Такое отношение царапнуло.

Но Женя уговорила себя, что это мелочи. Ведь у Котэ день рождения. Он просто немного нервничает.

Квартира у Джапаридзе оказалась прямо на набережной. Женя поймала себя на очередном приступе географического кретинизма. У неё никак не получалось сориентироваться на местности. Зелёный двор. Тишина. Вот это, наверное, и зовётся "тихим центром". Красивый подъезд. Консьерж.

Константин вёл Женю за руку. Её ладошка подрагивала. В квартире оказалось неожиданно людно. Сколько комнат? Три? Четыре? Наверное, неприлично считать комнаты, впервые попадая в дом. Ведь могут подумать, что её интересует квартира. А она Женю не интересуется. Вернее, совсем не с меркантильной стороны. Просто интересно, как живут люди.

Семья? Все эти люди? Такая большая? Женя запаниковала. Им навстречу выплыла статная дама с выдающимся грузинским профилем.

– Saidan moit'ane? (Где ты её взял? грузинский) – каркнула дама.

Глава 8

Глава 8

У Евгении был тонкий музыкальный слух. Редкий даже для музыкантов. Абсолютный. Она сходу, вообще не задумываясь, могла распознать любую ноту, не сравнивая с другими.

Интонации и нюансы эмоций слышала очень отчетливо, почти так же, как произвольную ноту на четверть тона от оригинала. Ну и выражение лица тетюшки Мгелы не оставило сомнений – Богуславская ей очень не понравилась.

Пришлось выдохнуть. И снова вдохнуть. К волевым усилиями в сдерживании негативных эмоций Евгении было не привыкать. Что ж, она не тульский пряник, всем нравиться. Или, как в Москве говорят, не доллар.

Обидно, что вот так - прямо с порога. Но ведь не у этой тётки день рождения. Это во-первых. А во-вторых, у Котэ, она сама видела, полным-полно других родственников. И первый оборонительный редут - это так, мелочь, которая точно не стоит её расстройства. Тётя же не мама.

Родители, правда, тут же появились. Сандро Константинович и Нателла Автандиловна. Женечка очень старалась сходу запомнить имена и отчества. Повторила про себя трижды.

Её бабушка говорила, что любому человеку приятно, когда его имя запоминают сразу, и особенно неприятно, когда ошибаются именно в имени. Попыталась сообразить, какое тогда у Котэ отчество. Потом, правда, вспомнила список группы. Александрович же! Тогда почему папа Сандро, а не Александр? Или это одно и то же? Но задать вопрос не успела. Мама Котэ оглядела её с ног до головы. По выражению лица ничего нельзя было понять. Да и не ясно, нужно ли ей было понравиться маме Джапаридзе, или это не обязательная часть программы.

Папа же наоборот - смотрел на Женечку с явным интересом. Поцеловал руку и зачем-то чуть сжал её ладонь. Но кто ж знает, может быть так принято.

Женя старалась безмятежно улыбаться, когда её представляли другим родственникам. К её имени Котэ добавлял ещё, что она его однокурсница. Что ж, это, по крайней мере, чистая правда. Да и что он ещё мог сказать? Кто она ему?

Дядя Саба, дядя Лаша, Ника, Автандил, Гоча, Мамука, Нодар, Гурам, Заза, Теймураз. Мужчин Богуславская ещё пыталась запомнить. На тётке Манане Женечка сломалась. Перед этой тетей был ещё десяток женских грузинских имён. Почему-то в голове промелькнула дурацкая мысль, что было бы гораздо хуже, если бы имена были корейские или китайские.

Про грузинское застолье у неё было только киношное представление, которое оказалось очень близким к реальности. В её архангельском окружении не было похожих семей. Видимо, южным людям близко к полярному кругу жить всё же тяжело.

Длинный стол был плотно заставлен едой. Пахло всё так упоительно, что хотелось попробовать каждое блюдо хотя бы по чуть-чуть.

После общежитской еды тем более хотелось домашнего. Вот только понятие "немного" было, похоже, не в ходу у этой семьи. Непонятно вообще, как все эти люди оставались в нормальном человеческом весе. Может быть, дело в генетике. Женя подумала, что если бы она так ела каждый день, то уже вряд ли помещалась бы пятой точкой на банкетке перед роялем. И точно не влезла бы в свое единственное концертное платье.

Кстати о рояле. Он тоже был в наличии. Не заурядное ученическое пианино. А самый настоящий кабинетный рояль. Как у Чайковского в Клину. Жене даже сначала показалось, что он салонный. Но Котэ, поймав её взгляд на инструмент, развеял сомнения.

– Это кабинетный Bösendorfer, – шепнул Жене на ухо, – Хочешь попробовать, как звучит?

Спросить пианиста, хочет ли он попробовать звучание хорошего инструмента, это, наверное, примерно как спросить у любого автолюбителя, хочет ли он тест-драйв новой модели крутого автомобиля. Или спросить у модной московской девушки, хочет ли она примерить вещи из новой коллекции известного дорогого бренда.

У Богуславской аж кончики пальцев закололо.

– А можно?

– Конечно! Тем более, что в этом доме вряд ли кто-то играет лучше тебя.

Женя не успела понять, что это было. Лесть? С чего бы Джапаридзе ей льстить? Всё же к комплементарам в свой адрес Богуславская относилась осторожно.

– А кто ещё играет? – осторожно спросила Женя, чтобы понять, есть ли сейчас рядом специалисты, способные оценить качество её исполнения, и надо ли напрягаться. Или сойдёт что-то лёгкое и необременительное для мозгов.

После такой еды голова напрочь отказывалась соображать.

– У меня просто дед был профессором консерватории.

Котэ не уточнил, какой именно консерватории. И какой дед. А Женя благоразумно не стала переспрашивать. Получалось, что мало-мальское музыкальное образование есть, скорее всего, у всех.

Что ж, тогда благословенный Фредерик Шопен. Он Богуславскую никогда не подводил. Его вальсы всегда приводили её в нужное в данном месте и в данное время настроение и состояние. Так что же сыграть?

Котэ принёс стопку нот.

– Выберешь?

– Нет, спасибо. Наизусть.

Женечка уселась и успела подумать, что её отказ от нот можно, наверное, воспринять, как высокомерие, вот только это совсем не оно. Просто она действительно знает наизусть огромное количество произведений.

Примостилась к инструменту. Открыла крышку. Благоговейно прошлась кончиками пальцев по поверхности клавиш. Она верила, что все инструменты – живые. И относиться к ним следует, как ко всем живым мыслящим существам.

Боковым зрением девушка поймала взгляд Котэ. Восхищение? Или зависть? Хотя, чему завидовать? Они однокурсники. И она ещё ничего не исполнила.

В голове крутились первые ноты любимых вальсов. Какой будет кстати?

Женя коротко глянула на небо. Неужели тучка собирается? Утром же было совсем ясно, ни намёка на осадки. Значит, решено! Вальс дождя!

Клавиши отозвались на прикосновения пальцев мягким глубоким звуком. Женя улыбнулась. Инструменту она явно понравилась. Это чувствовалось. Что ж.... Хотя бы роялю и его хозяину она нравится.

Уже к середине исполнения в комнате стояла абсолютная тишина. Смолкли все разговоры. И только музыка Фредерика Шопена лилась из-под пальцев кудрявой темненькой девушки.

Потом вдруг на подоконник звонко упали первые тяжёлые капли. Шум нарастал вместе с темой вальса. Когда Женя убрала руки с клавиш, за окнами уже шёл самый настоящий ливень!

Глава 9

9.

Из гостей Женю отправили на такси. Ошеломительный дождь вдруг закончился так же резко, как и начался. В воздухе было теперь влажно от крохотной водяной пыли и необыкновенно свежо, будто город умылся этим дождём.

- Женька, ты просто шаманка какая-то, - Котэ на прощание восторженно и порывисто поцеловал ей руку.

Богуславская вспыхнула. Уж очень это было ярко и эмоционально.

Глупо конечно было бы думать, что погодные явления были хоть как-то связаны с Жениным исполнением. Ведь она выбрала этот вальс, просто видя в небе дождевую тучу, а не туча специально разродилась дождём от музыки Шопена.

Но в самой этой идее было что-то мистическое и романтическое — представить себе на минуту, что именно музыка может быть причиной событий, а не только эмоциональной человеческой реакцией на них. В конце концов, есть же индукция. Это вдруг вспомнилось из школьных уроков физики.

По дороге до общежития мысли у Богуславской метались. Контраст был острым. Между ощущением от мужских твердых горячих губ на тыльной стороне ладони и подсчётом, сколько денег у неё есть в кошельке. Ехать было не долго. Если что - должно было хватить. И эта приземленная и колючая мысль перевешивала. Бытие, как говорится, определяет сознание.

В конце поездки выяснилось, что платить не надо. Зря, получается, Женя беспокойно ёрзала всю дорогу. Поездка оказалась уже оплачена. Это прибавило Жене настроения, а Котэ Джапаридзе - очков в карму. Не жмот, значит.

- Девушка, вы сумку забыли, - водитель протянул ей с переднего сидения объёмный пакет.

- Это разве моё?

- Да, точно ваше. И там явно что-то вкусное! - улыбнулся водитель.

Женя решительно заглянула внутрь. Боже! Сколько еды! В семье Джапаридзе решили, что она голодает? Так неприлично она ела, что ей отгрузили еды с собой? Какой ужас!

И тут взгляд упал на лицо водителя.

- Угощайтесь, пожалуйста, - Женя достала из пакета, судя по форме свертка, хачапури по-аджарски. Ещё тёплое.

Тот смущённо взял в руки угощение.

- Спасибо! А то сегодня на заказах уже десять часов. Поесть просто некогда, - кивнул на пищащий новым заказом телефон.

В общежитии Женин пакет с едой они разбирали вместе с соседкой по комнате - будущим дирижером третьекурсницей Викой Паровозовой.

- Ух, Женька, такого парня надо брать! Выйдешь за него и станешь Евгенией Джапаридзе! Хоть на афишу! — у Вики была идея фикс — удачно выйти замуж и сменить фамилию.

— А я замуж не хочу и не планирую менять фамилию, — буркнула Богуславская.

— Это ты не хочешь, потому что твоего папу зовут не Аркадий Паровозов*, — хмыкнула Вика невесело, — Я пока фамилию не говорю, всё вроде вполне нормально, уважительно и солидно. Виктория Аркадьевна. Звучит! Знаешь, как меня всю школу стебали? Спрашивали, правда ли, что мой папа носит синие плавки поверх серых легенсов. А мой отец работал у нас на сталелетейке. В горячем цеху. Вредное производство. Умер вот в сорок лет. И носил спецовку из такого противопожарного материала специального. Каску и маску с тёмным стеклом. Чтоб не ослепнуть.

Женя не стала подавать Вике идею поменять фамилию, не дожидаясь замужества. Всё-таки фамилия — визитная карточка любого музыканта. А "дирижер Виктория Паровозова" и правда звучало так себе. Зато запоминалось! Но Вика права. Евгении Богуславской не понять.

С того дня в жизни Жени стало много Константина Джапаридзе. И иногда она не знала, радоваться этому или огорчаться. И как воспринимать внимание к своей скромной персоне этого московского благополучного мальчика, у которого дома стоит рояль стоимостью, наверное, с их архангельскую квартиру. А, возможно, и с несколько. В ценах на такие рояли она не была сильна.

Они были слишком разные. И Женя силилась понять, чем же она так зацепила Котэ, что тот не обращает внимание на подколы московских девочек и таскается за ней как приклеенный.

* герой детской телепрограммы "Аркадий Паровозов спешит на помощь"

Глава 10

10.

Женя старательно готовилась к ежегодному конкурсу в Санкт-Петербурге. Получалось гораздо более нервно, чем в прошлом году. Может быть потому, что год назад у неё не было ровным счётом никаких ожиданий. Это была просто поездка в прекрасный город и возможность услышать разных исполнителей. Без претензий на победу. Будет как будет.

В статусе студентки с курса профессора Соколова Богуславская не могла позволить себе такую роскошь, как просто получать удовольствие от процесса. Теперь нужен был результат. Если не победа, то очень и очень качественное исполнение. Чтобы превзойти прежде всего саму себя.

На конкурс собиралась почти вся Женина группа. Готовились все яростно и ревниво, стараясь скрыть друг от друга репертуар и процесс репетиций.

Женя же считала, что это глупость несусветная. Всё равно каждый исполняет то, что утвердил профессор. И вся программа будет в общем доступе. Инструмент тоже будет один и тот же. Тот самый рояль, который будет стоять на сцене. Свой инструмент всё равно никому не дадут принести. Даже смешно.

— Все будете сидеть жопой на одной банкетке! И нажимать одни и те же клавиши, — подтвердил мысли Богуславской Соколов.

Верочка Спивак прикрыла рот рукой на слове "жопа". Да, пожалуй, звучало несколько грубовато. Но зато точно отражало суть вопроса.

Женя не делала вообще никакого секрета из своих подготовительных занятий к конкурсу. И Котэ прослушал её программу раз, наверное, двести. Но казалось, что его больше интересует сама Женя, а не техника её исполнения. Это очень отвлекало.

Где-то в глубине души Женя была даже рада, что девятнадцать лет ей будет только в сентябре. И на конкурс имени Чайковского она ещё не имеет права подать заявку. Это было бы слишком большой ответственностью и гигантской нагрузкой. Вот, может быть, когда окончит консерваторию... И то, на конкурс берут только двадцать пять пианистов.

Богуславская тоже слушала программу, которую готовил Котэ. Правда, лишь однажды. И имела неосторожность указать на ошибку.

- Погоди, - вместо ожидаемого восторга выдала она Котэ, - Вот в этом месте, - она ткнула пальцем в ноты, - тут же ты играешь восьмые? Да?

Котэ ошарашено кивнул.

- А тут... Посмотри сам, — Женя не могла понять, как такое возможно. Студент консерватории не может не отличать длительность нот, — Тут же по-другому.

Волну мгновенной ярости от Джапаридзе Евгения успела поймать. Ею накрыло с головой. Котэ очень быстро усилием воли погасил эмоцию, но девушке хватило.

- Мне кажется, - голос у Жени тут же охрип, - можно просто чуть мягче кисть. И длительность сама..., - проблеяла она то, что говорила её архангельская педагог Ираида Борисовна. Очень хотелось как-то сгладить ситуацию. Вот уж не стоило причинять добро.

- Сам разберусь, - буркнул Джапаридзе и резко захлопнул ноты, а следом и крышку рояля.

Жене тут же остро захотелось плакать. Было понятно, что она не права, что влезла с непрошенным советом, но и парень не прав. И сам это знает. Именно поэтому так бурно реагирует.

Котэ порывисто встал из-за инструмента. Схватил её за обе руки. Поцеловал кончики пальцев.

- Прости...

Это было неожиданно. От Котэ Женечка извинений не ожидала.

Она позволила проводить себя. И даже напоить её кофе по дороге от консы до общежития.

Но после этого случая больше не присутствовала на подготовке Котэ. И он целую неделю не появлялся у неё в классе.

Зато на очередном просмотре у Соколова Богуславская неожиданно удостоилась оценки "Прилично" вместо такого частого последнее время "Сносно". Это был безусловный прогресс, который Женечка быстро соотнесла с мерой своей сосредоточенности на занятиях, а не на отношениях.

Талант талантом, даже если предположить у себя его наличие, а "жопочасы" никто не отменял. Тут ведь действительно уместно сравнение со спортсменами. Для качественного исполнения нужен отличный мышечный аппарат, знания и гигантское количество репетиций. Или с писателями, у которых, как говорят, должна быть "железная задница" и только в редких удачных случаях — вдохновение.

Конкурс был уже совсем близко, когда однажды утром Богуславская обнаружила на пороге своей комнаты в общежитии Котэ Джапаридзе.

Глава 11

11.

Тётя Константина пришла в общежитие консерватории утром в воскресенье при полном параде явно не затем, чтобы принести Жене свежие хачапури. Вид у этой дамы был такой, будто она собирается танцевать ритуальный танец народа маори хака*.

Богуславская спросоня пыталась вспомнить, чья же это сестра. Если мамы Котэ, то она Мгела Автандиловна. А если папы - то тогда Константиновна. Пришлось напрячь зрение.

- Доброе утро, - Вика Паровозова появилась в дверях с щёткой и пастой в руках и полотенцем через плечо.

Оглядела модно одетую гостью. И взглядом спросила у Жени, мол, "что за цирк в нашем ауле с утра пораньше". Та только плечами пожала. Откуда ж ей знать?

А Женечка соображала, куда бы предложить присесть тёте Котэ. И чувствовала, что сейчас будет разговор. Потому что атмосфера в комнате мгновенно стала тяжёлой, будто перед бурей.

В голове у Богуславской зазвучала "Пятая симфония" Бетховена. **

- Проходите, пожалуйста, Мгела Автандиловна, - сделала она приглашающий жест.

Дама кивнула. Женечка коротко выдохнула. Значит, с отчеством она оказалась права. Это важно.

Тётя Котэ уселась на предложенный стул так, будто это трон, а она по меньшей мере английская королева. Из грузинских цариц Женя знала только про царицу Тамару. Но визуально её никак себе не представляла.

Сама Богуславская осталась сидеть на своей кровати. Паровозова притаилась в уголке своей, стараясь вообще не отсвечивать.

— Евгения, я, собственно, вот по какому вопросу, - тётя Мгела смотрела на Женю не мигая.

Было в этом взгляде что-то гипнотическое. Женя успела подумать, что вот так, должно быть, удав смотрит на кролика, прежде чем сожрать.

— Дело в том, что академические успехи Котэ сейчас весьма и весьма значительны.

Последовала театральная пауза. Богуславская пыталась переварить информацию. Ей было интересно, кто же в их семье в состоянии судить о значительности успехов их отпрыска. Не иначе, дедушка, которого она так и не видела. По Жениным сведениям, Котэ, конечно, занимался больше и усерднее обычного. Но не настолько, чтобы получить какие-то выдающиеся результаты, которыми впору было бы гордиться.

- Так вот..., - всё никак не могла подобраться к сути вопроса гостя.

Даже странно, что она медлила и будто слова подбирала. Возможно, первоначального запала не хватило.

Паровозова аж заёрзала от нетерпения на своей кровати. Женечка испугалась, что Вика со свойственной ей прямоотой может сейчас что-то ляпнуть. Но та поймала быстрый взгляд подружки и приложила палец к губам, мол, молчу-молчу.

— Евгения, я понимаю, это несколько необычно. Но ты должна, нет, просто обязана освободить нашего Котэ от своего навязчивого внимания. Это во-первых.

Женя с трудом удержала себя от того, чтобы не хрюкнуть от смеха. Её внимание? Её? Точно? Да ещё и навязчивое? То есть, это она везде за их Котэ таскается, а не он за ней? Решила, что раз есть "во-первых", то будет и "во-вторых". А это уже интересно.

— Во-вторых, ты должна немедленно сняться к конкурса. Этот Олимп всё равно не для таких, как ты, — и тётя Мгела прошлась взглядом по всей фигуре Жени, словно прожигая.

Той мгновенно стало неловко. За свои руки без маникюра, неизящные колени и щиколотки. Да, она ведь и правда не одного поля ягода с этими людьми. Подиум точно по ней не плачет. И музыка, получается, тоже не для неё?

- В третьих, ты должна перевестись из Москвы. Не важно, куда. Есть, наверное, много других подходящих мест для твоей учёбы. И не мешать карьере Котэ. Да, признаю, мальчик весьма увлёкся. Но ему ещё рано думать о серьёзных отношениях. И его супругой безусловно станет девушка нашего круга. И, разумеется, не музыкант. А умеющая создать подходящие условия для развития его таланта.

Женя молча моргала, пытаясь как-то осмыслить услышанное. И подобрать слова для достойного и максимально вежливого ответа. Но язык прилип к небу и отказывался поворачиваться, чтобы можно было выдать ртом нечто членораздельное. Ладони стали горячими и мокрыми. А глаза наоборот — сухими. Она старательно торопилась выстроить какую-то аргументацию. Но пауза явно затягивалась.

Гостя поднялась.

— Я всё сказала. Ты меня услышала, я надеюсь, - и глянула на Женю сверху вниз, — Прими верное решение.

Богуславская даже кивнуть не могла.

- А не пойти ли Вам, как Вас там... Автандиловна... в жопу? - вдруг встала прямо напротив изящной грузинской женщины на шпильках крупная уральская девушка Виктория Аркадьевна Паровозова, будущий дирижер симфонического оркестра.

- Что-о?

- Отоларинголога могу порекомендовать, - отчеканила Вика, - Забирайте Вашего маленького Котэ. Не такой уж он и талант. Так, аккомпаниатором возьмут, конечно. За кулисами

лабать будет. Или в филармонии у со листов на репетициях. Испугались, что наша Женька вашему мальчику жопу на конкурсе надерёт? Да? Так и говорите! А то приказывать она тут пришла! Посмотрите на неё! И "во-первых" у неё! И аж до трех досчитала! Женька ей наша должна из Москвы уехать? Большого бреда не слышала!

- Хамка! Торговка с рынка! Провинциалки! Понаехали! - зашипела Мгела Автандиловна, будто вправду была не человеком, а змеей.

У Жени в этот момент непонятно откуда взялись силы встать и поднять подбородок.

- Дверь там, - выдохнула она, - Хорошего Вам дня. Привет Котэ, - зачем-то добавила устало, будто не только что проснулась, а уже разгрузила не один вагон, а целый состав.

Дверь за тётей Котэ захлопнулась так увесисто, что со стены чуть не упал портрет Леонарда Бернштейна***, висевший у Паровозовой над столом.

*ритуальный танец, состоящий из притоптываний, хлопков, криков и ужасающих гримас.

**та-та-та-тааааа (думаю, вы полняли). Сам Бетховен говорил про этот мотив: "Так судьба стучится в дверь".

***американский композитор, пианист и дирижер.

Глава 12

12.

Женя кулём громко рухнула обратно на кровать. У неё в голове стоял такой гул, будто сотня музыкантов-духовиков решили разом настроить свои инструменты. Внятной темы не было. Одна какофония. Отвернулась к стене. Стыдно-то как! И обидно.

Слез не было. Только крупный нервный озноб тряс так, что и кровать аж затряслась.

- Эй, Жень, ты чего, уже мысленно в поезде Москва - Архангельск едешь? Чучух-чучух?
- попыталась пошутить Вика, присев на край Жениной кровати, и обняв подругу, — Нет уж! На всякий хрен с винтом есть жопа с лабиринтом.

— Опять жопа? — подала слабый голос Богуславская.

— Ну а как это ещё назвать, чтоб культурно? Невнятно недоразумение? Жопа и есть. Можно было еще десяток слов. У нас во дворе любой первоклассник бы выдал. В шесть этажей. А то, понимаешь жопа есть, а слова нету. Так не бывает.

— Виктория Аркадьевна, Вы ж дирижер будущий, а не прораб, — точно спародировала Женя их коменданта Ирину Семёновну и села наконец на кровати. Её почти перестало трясти.

— М-да, Женька... Дела... Давай-ка чаю для начала. Мой отец всегда говорил, что если надо что-то решить — налей чаю. Остальное само разрулится.

— А что, надо что-то сейчас решать? — у Жени закружилась голова, она рухнула обратно на подушку, тяжело через нос втягивая воздух.

— Чай в любом случае не помешает. И лишним не будет.

Паровозова в быстром темпе ставила чайник. Вообще-то, по правилам пожарной безопасности в комнатах чайники были запрещены. Но все держали. Из-за этого хлипкая проводка регулярно не выдерживала. Срабатывали предохранители. Но это вечером. Сейчас почти пусто. А значит, не опасно.

К чаю Вика выгребла из своих запасов всё. Мед, варенье, лимон, хлеб, сыр.

- Давай Женька! Надо поесть.

- Я не могу. Скажи, за что они так со мной? - Женя даже смотреть в сторону еды не могла. А вот чашку с чаем взяла обеими ладонями. Пальцы ещё подрагивали. Спасительное тепло потекло от ладоней по всему телу.

— Думаю, у них на этого их дорогого маленького мальчика Котэ были очень большие планы. Может, брак там какой-то... ну, династический. Помнишь, как в мультике? Такие толстые щеки и такой тоненький стебелек! *

— Какой? Династический? Он что, принц? — фыркнула Богуславская.

— Женька, ты же на конкурс поедешь? Не откажешься?

— Поеду. Конечно поеду, — Женя сказала и тут же засомневалась.

— А из консы не уйдёшь ведь? — испытующе смотрела на неё Вика.

— Не уйду. С чего бы?

— А придурка этого малахольного бросишь? Вряд ли он дома крышкой рояля стучал, тебя отстаивал. Или ботинком. Или чем они там стучат? Канделябром? Аристократы фиговы!

— Так и бросать не надо. Я и не брала, чтобы бросать. А оно уже само, — Женя вдруг закашлялась, — Само отвалилось.

Было обидно очень. Мало того, что её незаслуженно унизили. Так ещё и требования выдвинули. Не просьбы. А приказы! Так, словно право имеют её повелевать! Плебейка, да. Но она свободный человек, в конце концов!

— Жень, я бы Соколову накапала про эту... Автандиловну. Мало ли что.

— И что я ему скажу? Что тётя Котэ просила оставить его в покое? Какое это имеет отношение к учёбе? Да и стыдно.

— А такое! Кто первый встал — того и тапки!

— В смысле? Какие тапки? — не поняла её Богуславская.

— Кто первый рассказал, ту сторону и принимают. У нас с сеструхой так было. Кто первый добежал до родителей и нажаловался, того пожалели. А второму — отгужали люлей. Полную панамку.

— Что, не разбирались?

— А когда им было разбираться? Мать в больнице в смену. Отец на заводе в смену. Жратва в холодильнике. Ключ на шее. Список дел в щаииске на столе.

— Как же ты музыкалку закончила? И училище? — Женя мгновенно вспомнила, как её из школы бабушка встречала.

— А это, Женёк, мечта моя была! Личная! Что я научусь и стану дирижером. У меня вообще музыкалка по классу баяна. Представляешь? Там недобор был.

Женя тут же живо представила Вику с баяном. И то упорство на пути к цели, которое пришлось проявить. Если так будет и дальше, мир без сомнений запомнит великого дирижера Викторию Паровозову.

И если Вика не отступила, то ей-то вообще грех!

*советский мультфильм "Одуванчик — толстые щеки"

Глава 13

13.

Джапаридзе до самого выезда на конкурс ни разу не попался на глаза Евгении. И слава богу. Как ему это удалось, осталось для Богуславской огромной загадкой. Но ещё больше её поражало то, что всё его хорошее к ней отношение оборвалось вот так нелепо и внезапно. Как тумблером щелкнуло. Впрочем, как и началось. Проговаривали, что Котэ неделю лежал с высоченной температурой. Правда это или нет, никто так и не узнал. Но Жене хотелось верить, что это всё-таки была не его затея. Но как ни старалась Женя мысленно его пожалеть, у неё не выходило.

Мужским взрослым поведением тут, разумеется, и не пахло. Мальчику запретили встречаться с неподходящей девочкой, предварительно, очевидно, обсудив её с головы до ног. То есть, начиная с её музыкальных способностей и перспектив затмить их драгоценного наследника и заканчивая происхождением. Ну или наоборот. Так даже вероятнее.

Скучала ли она? Нет. Не успевала. Да и, слава богу, не привязалась настолько, чтобы скучать.

Вика, до этой ситуации державшаяся достаточно обособленно, взяла Богуславскую в оборот, чтобы не оставалось времени и сил "наматывать сопли на кулак". Таскала за собой на репетиции оркестра. Велела просто внимательно слушать.

Слушать Жене было совсем не сложно. Паровозова, в отличие от подруги, не была абсолютницей. И считала это своим существенным недостатком.

— Дирижер, который не слышит, что гобои у него один выше, другой ниже — это инвалид. Как я руководить ими буду?

— Вик, не выдумывай, ты кикс* слышишь не хуже меня.

— Девочка моя! Если я кикс слышать не буду, меня на помойку тогда сразу. Но его ж и любой слушатель без образования услышит. Для этого консу не надо заканчивать! А ты альтов сегодня расслышала. Я им вставила по первое число. Гуляли, гады, все выходные. Мимо нот смотрят. Паразиты. Пошли, с тебя ещё два твоих чистовых прогона. Я ключик от аудитории добыла. И у меня печенюшка есть!

Паровозова победно одной рукой извлекла из своей сумки где-то по блату добытый ключ от класса с роялем, а другой - пачку "Юбилейного". В её сумке, казалось, есть всё на свете.

Женя положила в рот кусок печенюшки и решила, что жизнь не такая уж плохая штука, раз за окном солнце, зелень, у неё есть рояль, за который уже хотелось скорее сесть, и чудесная подруга, готовая слушать прогоны её программы столько, сколько нужно. Да ещё и профессиональным ухом.

Июньский Петербург встретил белыми прозрачными ночами, теплом и дождём. При взгляде на набережные Невы Жене тут же отчаянно захотелось домой.

Она не была в Архангельске почти год. Денег на переезды туда-сюда особо не было. В зимние каникулы она подрабатывала несколько смен всё в том же любимом ею нотном магазине. И занималась, конечно. Пока в консерватории были свободны классы. Это ж такая редкая удача - найти свободный рояль. Общажного пианино на всех желающих тоже хронически не хватало.

Да и дома, если смотреть правде в глаза, Жене вряд ли были бы шибко рады. Бабушки, самозабвенно любившей Женечку, уже не было на этом свете. Мама, отчим и младший брат Валера обитали в крохотной панельке с узкими проходными комнатами, кухней два на два и совмещенным санузлом.

В такие условия не хотелось совсем. Бабушкину квартиру, которую Женя считала своим наследством, продали насколько возможно быстро после смерти хозяйки. Мама сказала, что жить им не на что. Женя даже не спорила. А толку? Бабушку не вернёшь. А она сама — отрезанный ломоть.

Иногда Жене мечталось, что однажды она приедет в родной город на гастроли. И красочные афиши будут висеть на круглых тумбах в самом центре города. На набережной и на Чумбаровке **. Тогда, возможно, мама снова нарядится, как раньше, когда приходила к ней в училище на концерты, и будет гордиться своей дочерью.

Женя в первом туре должна была играть "Ноктюрн до-диез минор" Шопена, требующий беглости пальцев. Накануне тура Богуславская нервничала, проигрывая четырехминутное произведение на случайных горизонтальных поверхностях.

— Конса? — понимающе кивнула на её руки официантка в кафе.

— Угу, — отозвалась Женя и улыбнулась.

— На конкурс? Понимаю. Я в этом году не участвую, — и принесла шоколадный десерт, — Это от меня. На удачу.

*срыв звука

**пешеходный проспект Чумбарова-Лучинского

Глава 14

Глава 14.

Уже стоя за сценой Женя старательно держала глаза долу. Не слышать предыдущих участников не получалось. Зато получалось не видеть. Вместе с медленным контролируемым дыханием это хоть чуть-чуть унимало панику.

В черном плотном платье с длинными рукавами и высоким воротником было жарко. И Женя пообещала себе, что на следующей сезон купит обязательно новый концертный наряд. Денег на себя не пожалеет и будет подстать модным столичным однокурсникам.

В списке выступающих Константин Джапаридзе шёл последним в её отделении. Это было, наверное, хорошо. Есть возможность уже отыграть свою программу и никого больше не слушать. Уж тем более его. Пусть играет, как хочет и как сумеет. Она тут совершенно ни при чем.

Нет, Женечка вовсе не была толстокожей. Ей было и больно, и обидно. Предательство, какими резонами его не оправдывай, от этого не станет добродетелью.

Когда ведущая ровным поставленным голосом объявила Евгению Богуславскую, волнение и страх вдруг пропали. Стало пусто в голове. Тишина полнейшая. И штиль.

Обратного хода уже нет. Нужно сделать десяток шагов до середины сцены. Женя расправила плечи, вдохнула, выдохнула. И пошла, как-то особенно громко и внушительно стуча каблуками концертных туфель.

Стоило сесть и раскрыть ноты, как паника ненадолго вернулась. Короткой вспышкой. Из-за сборчатых белоснежных многоярусных штор вдруг пробился яркий луч. Ноты перед глазами поплыли. В голове зашумело.

Женя закрыла глаза. Ей не нужны ноты, чтобы сыграть. Кисти рук сами нашли своё место на клавишах. Первые четыре такта уверенно и ярко. Следующие четыре - тихо и вкрадчиво.

И вот она - основная тема. Перед внутренним взором проносились один за одним не самые простые в её жизни дни в новом огромном городе.

Засыпанный яркими жёлтыми листьями Тверской бульвар.

А потом торжественный и заснеженный, сверкающий к Новому году и Рождеству множеством лампочек.

И такая долгожданная весна. А с ней и надежды на любовь.

Огонь свечей в Лавре.

И буйный ливень, смывающий пыль с московских улиц.

Женины пальцы легко и невесомо пробежали по клавишам в сложных пассажах. Будто и не было в этом никакого большого исполнительского мастерства. И никогда не играла она многочасовых гамм. Не тренировалась до изнеможения. А просто её пальцы умели вот так от природы. Без напряжения.

Последние несколько тактов дались тяжело. Будто Женя скидывала с усталых плеч огромный груз. Богуславская успела подумать, что даже если её выступление плохо оценят, она рада, что сыграла это здесь и сейчас.

Слёзы на лице заметила, только поклонившись. Две крупные увесистые капли упали прямо на лакированные носки туфель.

Зал аплодировал. Лица членов жюри Женя не смогла разглядеть. Перед глазами была пелена слёз. Спускаться по лестнице за кулисами тоже пришлось практически на ощупь.

Знакомый парфюм совсем рядом заставил притормозить буквально на долю секунды. Сознание ещё, видимо, находилось в отключённом состоянии.

Женя тряхнула кудрями. Часто заморгала. И существенно прибавив скорость, выскочила в узкий коридор за сценой к открытому настеж окну. Задышала, глотая воздух, будто его можно было пить.

- Это было так пронзительно, - сказал тихий девичий голос рядом.

Женя успела обрадоваться, что это не Котэ, а какая-то милая светленькая девушка с толстой косой до пояса.

- Спасибо, - еле прошептала в ответ.

Дыхание вдруг выровнялось. Мир прояснился.

Вечером стали известны участники финального тура. Фамилии Джапаридзе в их числе не было. А вот себя Богуславская обнаружила.

Наверное, стоило радоваться. Но Женя чувствовала опустошение. А ведь это ещё не финиш.

Сил на борьбу практически не осталось. Первый тур вынул из Жени всю душу. Но привычка добросовестно выполнять всё, что необходимо, помогла и в этот раз.

"Отражения" Мориса Равеля Женя исполнила в совершенно другом состоянии и настроении. Её не трясло. Ноты было видно отчётливо. И почему-то хотелось улыбаться.

Фантазия подкидывала образ яркого летнего солнечного дня. И бескрайнего южного моря всех оттенков зелёного и синего. С бликами и игрой волн. С порывами тёплого ветра и криком чаек. С высоким лазурным небом и лёгкими быстрыми облаками.

Гран-при конкурса получила та самая миниатюрная девушка с косой. Евгении Богуславской досталась Первая премия и специальный приз жюри за виртуозность исполнения.

Глава 15

15.

После конкурса почти сразу пришлось возвращаться в Москву. Но Женя дала себе очередное обещание — она ещё приедет в Санкт-Петербург. Обязательно.

У неё были свои обширные планы на этот город. Может быть, даже приедет зимой. Произносившееся произведение "Снег над Ленинградом" Микаэла Таривердиева вдохновляло на такие смелые мысли. Северная столица и летом могла не сильно радовать погодой, но выросшую на севере Богуславскую пугать этим было бесполезно.

Несмотря на ранний час, Москва уже набрала темп движения и жизни. Шумел транспорт, куда-то двигались людские реки, вытекающие из пригородных электричек, работали все ларьки и магазинчики. Выйдя утром из поезда, Женя очень остро почувствовала разницу между городами. Вспомнила, как выходила на Комсомольской площади впервые, только приехав из Архангельска. Сейчас ощущения были другими.

- Терпеть не могу Москву! Слишком быстро и бестолково! - буркнул рядом мужчина с кожаным портфелем.

А Богуславская поймала себя на том, что ей уже обидно такое слышать и что она уже готова кинуться защищать московский образ жизни. Это ведь и её дом тоже! Быстрая и очень шумная, но Москва прекрасна! И это уже и её город тоже!

В голове тут же зазвучала тема из сюиты Георгия Свиридова "Время, вперёд!".* Женя попробовала подобрать из известного что-то аналогичное, но более современное, но пока ничего в голову не приходило. Свиридов всё же бесподобен!

В консерватории начиналась летняя сессия. Зачёты уже прошли, пока Женя была в Санкт-Петербурге. Следовало получить допуск к экзаменам, сдать ОБЖ и физкультуру.

Богуславская никак не могла понять, почему студенты консерватории, чтобы иметь право сдавать свои профильные предметы, обязаны получать именно такие допуски. Зачем пианистам прыжки через скакалку и правила безопасности при проведении высотных работ?

— Государственную программу никто не отменял, — преподаватель по ОБЖ, поговаривали, брал деньги за зачёт.

Женя собиралась сдавать честно, чем немало удивила.

— Давай тогда письменно, что ли. Правила безопасности..., — преподаватель сделал паузу, размышляя, где должна быть безопасность, — на воде! Срок - три дня.

С ноутбуком выручила Вика. За вечер они хохоча и всё время отвлекаясь вместе сочинили довольно большой опус "Правила безопасности на воде" вприкуску с чёрным свежим хлебом, огурцами и кабачковой икрой прямо из банки.

Следующим препятствием был зачёт по физкутуре. Весь семестр Богуславская исправно ходила на занятия, едва ли ни единственная из всей своей группы. Оставалось сдать плавание. Вот только плавать Женя не умела вообще и совсем. Поэтому на вопрос, каким стилем она плавает, честно ответила, что только "топором".

Молодая преподаватель внимательно глянула на Женю, неловко топтавшуюся с обречённым видом на бортике бассейна в купальнике и шапочке.

- Идите, Богуславская, с богом. Только топора у нас тут и не хватало.

Экзамен по философии энтузиазма не добавлял. Жене казалось, что преподавательница сама глубоко страдает от процесса принятия зачёта у студентов. И самой ей предмет непонятен и не интересен. Оттарабанив определение материи в качестве ответа на дополнительный вопрос, Богуславская обзавелась отличной оценкой. Выдохнула. Ещё одна галочка в списке нужных дел.

Инстранный язык Женя сдавала с другой группой. Там стесняться было некого. Прочитать, перевести, написать письмо и описать картинку получилось быстро. Попутно Богуславская успела помочь аж двоим парням-контрабасистам с их письменными заданиями, потихоньку исправив им ошибки в письменной части.

Специальность всё равно предстояло сдавать на общих основаниях. Итоги конкурса в зачёт никому не пошли.

— Как только вы сошли со сцены с дипломом очередного конкурса, вы снова никто и звать вас никак, — говорил своим студентам Соколов, — Аплодисменты не должны туманить ваши мозги и ухудшать слух! Они только сбивают вас с ритма вашей профессии!

Исполнение Богуславской снова было удостоено слов "весьма прилично". А это уже лучше, чем просто "прилично". Почти как в "Гарри Поттере" - "выше ожидаемого". И отличная оценка закономерно встала в зачётку. Женечка сияла.

— Евгения, беглость! Беглость нарабатывайте! Беглость убегает первой! Такая вот она прыткая! —это прилетело от профессора уже в спину вылетающей из аудитории Богуславской.

Лето распахивало свои объятия для переведённой на второй курс Евгении Богуславской. Стипендия должна с сентября быть повышенной. В общежитии они останутся в комнате с Викой, никого не переселят. Жизнь прекрасна! А где там позади остался Котэ Джапаридзе, это уже не очень интересно. И почти уже не больно.

*заставка программы "Время".

Глава 16

Глава 16.

Женя вышла из поезда на вокзале в Архангельске в половине седьмого утра. Порадовалась, что прихватила в чемодан куртку. В Москве, когда она уезжала почти сутки назад, стояла нормальная июльская жара. Окна в общежитии были открыты настеж круглые сутки. Иначе задохнуться можно. Нагретый солнцем асфальт всю ночь отдавал тепло. Ни ветерка, ни облачка, ни дождинки.

Здесь же было нормальное северное лето. То самое, что, по словам бессмертного классика, "карикатура южных зим". Рано утром температура, согласно вокзальному табло, еле дотягивала до плюс девяти. Цифра "девять" мигала, то и дело превращаясь в "восемь". Ну или просто что-то сломалось. Прогноз в телефоне обещал днём щедрый плюс восемнадцать и переменную облачность.

От платформы на площадь, уставленную ларьками, вела крутая лестница вниз. В голове у Жени мелькнуло, что слава богу она не на контрабасе или виолончели играет. А то пришлось бы сейчас ещё и инструмент переть сначала вверх, а потом вниз по шербатым неровным ступеням, рискуя сломать шею.

В консе ходила такая шутка, что за выпивкой зимой в гололед нельзя посылать пианистов. Только скрипачей или виолончелистов. Те скорее сами себе что-то сломают, чем разобьют то, что несут в руках. Ибо рефлекс - спасти ручную кладь любой ценой. А цена у инструментов может быть весьма внушительной. Лечение переломов собственных конечностей точно дешевле.

Стрелой от вокзала уходила в сторону центра Воскресенская улица. На вокзальной площади в ранний утренний час выходного дня было практически пусто. Приехавшие московским поездом как-то моментально растворились.

Асфальт тут ремонтировали, видимо, очно давно. Женя зацепилась чемоданом на колёсиках, купленным по настоянию Вики перед конкурсом, за очередную колдобину. М-да, это конечно не Москва, где, как уже недобро смеются сами москвичи, асфальт меняют дважды в год, потому что завозят новую коллекцию.

До дома было минут пятнадцать-двадцать пешего ходу. Ещё год назад Женя обязательно бы дождалась автобус. Но Москва с её гигантскими масштабами перестроила её отношение к расстояниям. Пройтись хотелось. В поезде уже и насиделась, и належалась. Да и появляться дома в субботу раньше восьми - это сразу нарваться на недовольство.

Женя шла медленно, стараясь впитывать атмосферу родного города. Чемодан очень старался не шуметь, попадая колёсиками в трещины асфальта.

Всё здесь было ей одновременно до боли знакомым и будто встреченным впервые. Ощущения "будто и не уезжала" не возникло совсем.

Ритм города ещё почти не ощущался. Лето. Выходной день. Безлюдно.

Женя присела на лавочку на автобусной остановке. Ощущение, что она теперь в гостях, а не дома, накотившее в этот момент, быстро смахнула с себя, как муху.

Конечно же она дома! Как же иначе? У каждого человека дом — точка отсчета его жизни. Нулевой километр.

Вот с этой самой остановки, что напротив, бабушка возила её маленькую в музыкальную школу. А потом она уже и сама ездила. А вот в том магазинчике она тайком мороженое покупала, хотя ей перед выступлением хора строго наказали беречь голос.

Богуславская решительно поднялась, взяла чемодан и бодрым шагом двинулась через дорогу в сторону своего дома. Панельной пятиэтажки, коих в России великое множество. Вспомнила, как удивилась, что точно такие же дома есть и в Москве. Такие, да немного другие.

Знакомый подъезд привычно скрипнул дверью. Аж тремя тонами. По нисходящей. Звуки Женя всегда воспринимала острее, чем изображения. Лифта не было. Четвёртый этаж. Почтовые ящики грязно-синего цвета. Ящик с номером их квартиры почему-то с болтающейся дверцей. Богуславская остановилась. Поправила.

Сколько шагов было ею сделано по этой лестнице за всю жизнь? Вверх и вниз. Еле волоча ноги и в припрыжку. В разном настроении и состоянии. Сейчас надо было просто подняться. И, наверное, позвонить в дверь. Хотя свой ключ лежал у Жени в кармане сумочки.

Она размеренно дотопала до четвёртого этажа. Огляделась. Соседняя дверь другая. Наверное, соседи ремонт делали. А их - всё такая же. Вот и коврик тот же. Женя всё никак не решалась протянуть руку к звонку.

Тут замок заскрежетал изнутри. Поскребся, как мышь. Дверь открылась тихо и осторожно. В небольшом проёме, не замечая застывшую с чемоданом Женю, появилась женская фигура в домашнем халате и тапочках. Из квартиры пахло совсем не свежо.

— Ма-ам? Ты чего так рано? — только и смогла спросить Женя, с трудом опознав в выходящей женщине маму.

Та вздрогнула. Сначала вскинула тонкие руки, будто пытаясь защититься. Потом уставилась на Женю, часто моргая.

— Женечка? А что ты тут делаешь? А я вот... За сигаретами... Не себе. Косте.

Глава 17

17.

Они сразу вернулись в квартиру. Мама засуетилась возле Жени. То порывисто обнимала её прямо в тёмном коридорчике, то вдруг всхлипывала, прижимая ладонь ко рту, будто вспомнив что-то.

- Ма-ам... Всё хорошо. Я приехала. Все экзамены на отлично сдала. Каникулы теперь, - Женя ничего пока не могла рассмотреть, только принюхивалась. Пахло пылью. Старыми тряпками. И ещё чем-то грустным.

- Да-да... Каникулы. Понимаю.

Против света Жене сложно было разглядеть маму. Она ведь еще совсем молодая. Ей сорок то на следующий год только. Откуда эта старушечья сутулость? И эти жуткие носки и тапочки?

В голове Жени, несмотря на календарный июль, звучала "Осенняя песнь" Чайковского, соответствовавшая октябрю. Повеяло бедой, тоской и безысходностью. Только отчаяния ей сейчас для полного комплекта и не хватало!

В противовес вспомнилась Вика, всегда орудовавшая по полу шваброй под ею же напеваемый в полный голос мотив песни "Наш паровоз", в котором музыканты опознавали то "Марш Алексеевского полка", то немецкую народную песню "Аргонский лес в полночный час". Женя вдохнула, выдохнула и шагнула в сторону кухни, уже представляя, что там увидит.

Её мама пятилась по узкому коридору, словно могла прикрыть собой бардак.

- Ма-ам... А что случилось?

Женя своим глазам не верила. У них никогда не было богато. Но чисто было всегда. Она приземлилась на шаткую табуретку.

- Костю уволили. По сокращению.

- Давно?

- Четыре месяца назад. Он заболел тогда. Желудок. Врачи говорили, что всё от нервов.

- Почему ты мне ничего не сказала?

- А что бы изменилось? - Женина мама устало прислонилась спиной к раковине.

Богуславская с ужасом поняла, что и правда ничего не изменилось бы. Чем она смогла бы помочь? Ничем. Бросила бы консерваторию и приехала бы помогать? Нет, конечно.

Теперь постепенно вырисовывалась совсем не весёлая картинка.

- А сейчас дядь Костя как?

- Получше. Но работу не нашёл пока. Курит вот много.

- Пьёт? - осторожно спросила Женя.

- Нет! Что ты! Нет, слава богу. После увольнения было дело. Неделю. А после больницы ни-ни. Вот только курит.

Вот уж действительно, слава богу.

- А ты? Ты сама как?

Жене не хотелось задавать вопрос прямо. Звучало бы совсем критически.

- А я ничего. Нормально. Вот кондуктором.

- Как кондуктором? А бухгалтерия?

- Там теперь девочки молоденькие. А мне так и лучше.

Женя пыталась считать в уме, на что же они тут жили.

- А Валерка? Он где?

Младшему брату Жени уже шестнадцать. Здоровенный лоб. Неужели не помогает?

- У него последнее свободное лето. Они на даче у одноклассника. Пусть отдыхает. Потом будет не до гулянок, - мама, как всегда, кинулась выгораживать брата.

М-да. Жаль, нет на всю эту компанию боевого энтузиазма Вики Паровозовой. Придётся Жене Богуславской попробовать. Дом чуть разгрести. Маму привести в божий вид. И брательнику мозг на место вправить. Если получится, конечно.

Из комнаты раздались шаркающие шаги. Что ж они все тут еле ползают? Не старики же совсем!

— О, Жека! Приехала? Я всем мужикам рассказывал, что ты в самом главном зале в консерватории своей на пианино играешь.

— Привет, дядь Кость. На рояле я там играю, - поправила его Женя, —Болеешь?

— Да вот... Видишь... Жизнь такая... Мать, сигарет нет, что ли?

— Мам, давай я в магазин, а ты оладушек сделаешь?

Надо ж было хоть с чего-то начинать.

Глава 18

18.

Дома Жениного энтузиазма хватило на три с половиной недели. Дальше было бы совсем невыносимо. Даже если оставаться здесь волевым усилием.

Было ясно, что по ней скучали. Но стоило приехать, и через несколько дней она уже всех раздражала своим присутствием. Ей ничего никто не говорил. Но ясно было и без слов.

Всё же быт в семье за время её отсутствия был налажен. Да и самой было уже непривычно и очень некомфортно. Их с Викой общежитская комната теперь внутри головы была "дом". А эта квартира — из неё Женя будто бы выросла. Как вырастают из детских вещей.

И всё же за время своего присутствия дома Женя сотворила настоящую домашнюю революцию.

Во-первых, сподвигла маму и отчима на генеральную уборку. Те поначалу взялись с энтузиазмом. Но чем дальше двигались дело, тем медленнее работалось. И оказывалось, что не мыть надо, а давно уже всё ремонтировать. В некоторых местах так вообще лучше бы не трогали. Только расстроились все вместе. Правда, новые шторы на кухню они с мамой покупали вместе. А дяде Косте понравилось.

Во-вторых, Женя уговорила маму на парикмахерскую. Заплатила из своих, иначе мама бы не согласилась. На маникюр не смогла, хотя и пыталась.

— Мам, в Москве женщины твоего возраста — совсем как девочки.

— Так это в твоей Москве! У нас всё по-простому. Кого мне тут очаровывать? Старух, которые в больницу по утрам едут?

— Почему это надо кого-то очаровывать? - тряхнула кудрями Женя.

Ей вспомнился тёмный взгляд Джапаридзе и то, как он играл для неё вальс. Она всхлипнула. Но быстро взяла себя в руки.

— Надо хорошо выглядеть, чтобы у тебя самой силы были. Это инвестиция в себя! — вспомнила Евгения фразу, услышанную у модных однокурсниц.

— Ну, если только инвестиция, - выдохнула Женина мама, — было бы во что инвестировать. Я ж не банк. И не завод.

Из салона вышла совсем молодая женщина. Богуславская оглядела маму. Боже мой! Какая же она красавица!

— Женька, посмотри! — мама повернула её лицом к зеркальным витринам, — Посмотри, как мы похожи! — у женщины сияли глаза.

Евгения глянула на отражения. Похожи? Она всегда считала, что мама красавица, а она сама так — самая обыкновенная. Ничего выдающегося. Но сейчас перед Женей была очевидная правда. Она похожа на свою красавицу-мать. И юность играет на её стороне.

Жене захотелось ощупать себя с головы до ног, чтобы убедиться, что это не мираж. Она из плоти и крови. И действительно красива.

Дома их встречал отчим. Сам нажарил картошки, как умел только он.

- Ну, девки! Ну вы даёте? Вот же ж... — по очереди крутил обеих за плечи, разглядывая. Это у него была, кажется, высшая форма одобрения.

Третьим пунктом Жениной программы был младший брат Валера. С ним оказалось сложнее всего. Тут Евгения очень пожалела, что она не Вика Паровозова. И мне умеет объяснять простым доходчивым для подростка языком, что кланчить у матери и отца модные шмотки и тратить деньги на сигареты, не прикладывая усилия вообще ни к чему: ни к учёбе, ни к спорту, ни к домашним обязанностям, ни тем более, к пополнению семейного бюджета — это инфантилизм и жлобство. Будь рядом Вика, она бы наверное, нашла верные слова.

Женя же, выслушав нытьё брата, что в школе учителя все поголовно старые маразматика, валят его, а он обязательно станет крутым пацаном, только надо "вовремя прошарить, с кем порешать вопросы", сломалась на Валериной гневной тираде: "А чо они? Если нищеброды, нафига тогда рожали? Я не просил!".

Богуславская никогда и ни с кем не дралась. И дома её, несмотря на простоту семьи и строгое воспитание, никогда не били. Но тут откуда взялись силы. Она тяжёлой натренированной рукой пианиста вкатила младшему брату, который вырос в здорового детину, увесистую и звонкую затрепину.

Звук был такой, будто арбуз уронили на асфальт с четвёртого этажа. Кисть горела огнём.

- Ах ты, сучонок мелкий, — быстро и чётко заговорила Женя, наклонившись к держащемуся за ухо Валере, — Что ты в жизни умеешь? Жрать и срать? В танчики рубиться? Сколько отец на твоей комп горбатился? Ты считал? А сколько материнских зарплат стоит твой телефон? Кто кредиты платит? — Женя выхватила у брата аппарат, — подошла к окну и высунула руку на улицу.

Валера побледнел. Вот, оказывается, что ему на сама деле дорого и небезразлично. Точно не родители! И даже не собственное будущее!

- Твой телефон останется у меня. На двое суток. Ровно столько у тебя есть, чтобы найти работу.

- К-куда я пойду? Мы с пацанами договаривались ехать...

- Двое суток, - в голосе у Жени звелел металл, - Не находишь работу, телефон бью молотком.

- Ах ты, падла московская!

- Значит, сутки. Одни. Время пошло, - ровным голосом сообщила Женя, сделав скидку на подростковую агрессивность, - И не забудь извиниться. Падла, значит, падла!

Родителям Валера нажаловался сразу. Рассчитывал, что его, как всегда, поддержат. Но мама увидела решительное лицо Жени и неожиданно встала на её сторону. Отчим же, оглядев сына с головы до ног, одним сильным движением выдрал из его компьютера все провода.

- Права Женька. Хочешь обратно свои гаджеты и игрушки — становись мужиком, - и откуда силы взялись и на резкие движения, и на уверенность в голосе.

Валерка как-то сразу поник. Пытался давить на жалость. Ещё чуть-чуть, и всплакнул бы, наверное. Но, не найдя сочувствия, потом всё же поплелся из дому.

Вернулся к вечеру. Его взяли помогать в небольшом овощном магазинчике недалеко от дома.

Женины маленькие победы местного значения радовали. Но чем дальше, тем больше себя она чувствовала уже совсем внешним и чудеродным элементом. Заговорила с мамой о скором отъезде. Та кинулась отговаривать. Но своим тонким слухом Женя всё же уловила — мама тоже чувствует нечто похожее. И боится в этом признаться.

"Не хочешь в деканате в августе поработать?" — прилетело спасительное сообщение из Москвы.

— Мам, мне пора. Работать буду.

— Работать — это хорошо, — отозвалась мама, и в её голосе вторым тоном звучало облегчение.

Женя взяла билеты и собрала вещи. Без тени сожаления и сомнения.

Глава 19

19.

Как только поезд тронулся, Женя почувствовала облегчение. Будто воздух стал стремительнее поступать в легкие. Сомнения, если и были до этого момента, то совсем исчезли. Она правильно сделала, что уехала раньше. Да, мама шла по платформе рядом с вагоном и плакала. Но Женя знала, что она тоже сейчас испытывает это облегчение.

Странное чувство было. Будто на большом расстоянии им с мамой легче быть ближе и роднее, чем находясь на одной жилплощади. И хотя уезжая Женя обещала обязательно приехать на каникулы, по мере отдаления от Архангельска в ней таяло желание выполнять это обещание.

В Москве было жарко и пыльно. В общежитие её пустили по распоряжению декана. Пришлось побегать до консы и обратно.

Здесь, почти в центре столицы, несмотря на инвентарные номера на всей мебели, общий умывальник и кухню, Богуславская и чувствовала себя наконец дома. Выдохнула и расслабилась.

Паровозова тоже почти всё лето была в Москве. Сначала на стажировке, а потом работала в приёмной комиссии.

- А что мне дома-то делать, Жень? Алкашами непросыхающими в нашем дворе дирижировать? Или бабками, которые в огородах задом вверх стоят всё лето? А здесь даже в каникулы всё время движ. Ко Дню города уже репетиции идут. Там знаешь, какой бюджет? Ого-го!

В плане заработка у Богуславской была не очень хлебная специальность. Фортепьяно же в чехол не сложишь, с собой в подземный переход не отнесешь, как скрипку или флейту. Только если аккомпанимент кому-то.

В перспективе Женя рассматривала вариант работы в нотном магазине или в музыкальной школе. Частные уроки, если получится. Говорят, спрос на них не уменьшается.

Пока же Женя была просто счастлива, что может наконец сесть за инструмент. Всё время дома клавиши она видела только во сне. Её детское пианино исчезло из действительности вместе с бабушкиной квартирой.

Общежитский инструмент был, как ни странно, отлично настроен. Оказалось, что это студенты старших курсов самостоятельно озаботились. Настройка фортепьяно не требует наличия музыкального образования. Но многие парни осваивали это ремесло. Заработок никогда не был лишним.

Женя, предвкушая удовольствие, уселась на банкетку. Погладила клавиши. Привычная прохладная гладкость отозвалась в кончиках пальцев. Чёрное дерево бемолей и диезов ощущалось ещё холоднее. Женя правой рукой пробежала гамму до-минор. Ясный звук. Привычный порядок. Константы этого мира. Как у математиков. Или физиков. Постоянная Планка. Число Пи, которое, кстати, вполне себе музыка.

Однажды Богуславской попали в руки интересные ноты. Это было число "пи", написанное не цифрами, а соответствующими нотами. Запоминающаяся, почти космическая мелодия!

Должно же было быть на свете что-то, не зависящее от внешних обстоятельств! Что-то неподвластное человеку с его изменчивыми взглядами на мир. Ноты, пожалуй, были именно такой вещью. Миллионы мелодий складывались всего из семи. Даже букв в любом алфавите мира намного больше. А тут всего семь!

И люди писали ими всё. Любое чувство или явление всего семью нотами плюс немного "специй" в виде полутонов, тональности, длительности, темпа. Комедии и трагедии. Ненависть и любовь. Счастье и разочарование. Войны и примирения. И даже все времена года. Сразу вспомнился анекдот, рассказанный Паровозовой про то, как мальчик, учащийся в музыкальной школе, не был принят в обыкновенную, потому как утверждал, что времен года —шесть. Но забыл-таки про Джона Кейджа. *

Из двадцати сохранившихся вальсов Шопена Богуславская особенно любила шестой. Ре-бемоль мажор. Была в этом небольшом произведении такая сила жизни, что хотелось потом сделать три тысячи дел и совершить миллион открытий. А ещё хотелось обязательно научиться танцевать! И кружиться под эту великую музыку.

Перед началом учебного года Женя волновалась. Она тысячу раз репетировала свою встречу с Котэ. Должны же они были всё-таки пересечься рано или поздно.

Варианты в её голове проигрывались диаметрально противоположные. От непринуждённой дружеской беседы, будто бы Джапаридзе никогда за ней не ухаживал, а его тётя ничего Жене не приказывала, до обличительной речи с употреблением слов из лексикона Вики.

Но не случилось ни того, ни другого. Котэ Джапаридзе появился в аудитории. Повзрослевший и ещё более красивый. Только из него будто откачали всю радость. На Женю он не смотрел совсем. Будто она была невидимой.

*"Времена года" были написаны Вивальди Чайковским, Гайдном, Годуновы, Пьяццолла и Кейджем. Это самые известные миру авторы произведений с таким названием.

Глава 20

20.

На Джапаридзе действительно жалко было смотреть. Так, пожалуй, не могут выглядеть хорошо отдохнувшие молодые люди после летних каникул. Будто что-то внутри него сломалось и не подлежало восстановлению.

Женя с трудом подавила в себе желание спасти Котэ. Жалость — не то чувство, которое следует демонстрировать мужчине. Если он мужчина, разумеется. Да и что она ему может сказать? Рассказать, как обидно ей было слушать его тётю? Или спросить, что именно про неё сказали члены его семьи? Спросить, что он сам думает по этому поводу? Что толку в таких вопросах?

У нее, в конце концов, тоже есть же самолюбие. Она никогда не навязывалась. И уж точно не планирует навязываться в будущем. А за людей лучше любых слов всегда говорят поступки.

На этот счёт, правда, они как-то поспорили с Викой.

— Женька, слова - это тоже самые настоящие поступки. Сколько иногда смелости надо, чтобы одно слово произнести! Вибрация воздуха — физическое явление. Воздействие от слов тоже вполне физическое. Словом убить можно. А можно воскресить. И поддержать можно. Вылечить можно словом. Как и музыкой. Про музыку ты же не будешь спорить?

Глядя на Вику, Женя искренне верила, что та своим словом может что угодно. Пожалуй, даже убить. А про музыку действительно и спорить было не о чем. Были моменты, когда Богуславская только музыкой себя на плаву и держала. И точно знала, что от высокой температуры и головной боли отлично помогает "Лунная соната", а Вивальди отлично прогоняет сонливость.

А вот про слова Женя не была столь уверена. Уж очень много люди произносят вслух пустых слов. И мало вкладывают в них смысл. Обесценивая даже самое прекрасное. А тем временем, всегда ясно, что именно выражают слова. Но не словоформой, не последовательностью звуков, не семантикой произнесенного, а той самой вибрацией. Тонем. Вложенной энергией.

Евгения пыталась анализировать свои чувства к Котэ. Раскладывать их на ноты. Что она чувствует? В какой тональности сейчас её переживания?

Выходило, что она успела остановиться буквально на пороге влюблённости. Ещё чуть-чуть — и провалилась бы. А так — прошла по самой кромке. Удержалась. И несмотря на переживания, было чуть-чуть жаль, что в процесс так грубо вмешались. Пусть бы даже у них с Котэ ничего не вышло. Но это была бы их собственная история. Прожитая уже, слава богу.

Переживания совершенно очевидно отразилось на качестве исполнения Джапаридзе. Он не вкладывал их в музыку, а прятал теперь куда-то вглубь себя. Поэтому исполнение выходило откровенно слабым. Бессмысленным и пустым. Пальцы по клавишам попадали в темп и в ноты, но жизни в этой музыке не было.

Всегда прямолинейный и иногда грубоватый профессор приличное время деликатно это не комментировал. Конечно, он был в курсе ситуации. Было бы странно, если бы не заметил, как поменялись отношения Жени и Котэ. Но к середине сентября терпение Соколова иссякло.

— Константин, включитесь уже! Вы же не робот-пылесос ездить по клавиатуре вправо-влево. Вы классический музыкант или лабух в вокзальном ресторане? Тот и то играет душевнее.

Джапаридзе хмурился. Публичная порка означала, что профессору совсем не всё равно. Но слово "лабух" цепляло самолюбие и кидало его в пропасть.

Женя отвела глаза. Котэ можно было только посочувствовать. Богуславская старательно искала в себе хоть какую-то романтическую искру. Хоть какой-то намёк на любовные переживания. Внутри был практически штиль. Тишина. Даже никакая мелодия не играла на фоне. Странно. Обычно что-то всё-таки звучит. Но так, возможно, оно и к лучшему.

Глава 21

21.

Эта зима давалась Богуславской тяжелее, чем все предыдущие зимы её жизни вместе взятые. Было как-то особенно холодно, темно, серо и безнадежно. А ещё очень-очень тихо. Так тихо в Жениной жизни тоже не было никогда. Будто разом выключили все звуки. Словно она оглохла.

Нет, со слухом у Богуславской всё было, слава богу, хорошо. Извне звук продолжал поступать. Но вот воспринимать звук всем телом, воспроизводя его собственными пальцами, практически не было возможности.

Женя встала со стула рядом с фортепьяно, убрав ладонь с коричневого лакового корпуса инструмента. Подошла к окну. Там бесновался худший февраль в её жизни. Мокрый, с резким ветром, колючим обжигающим лицо снегом и грязной солёной ледяной кашей под ногами. Она погрела руки о батарею отопления. Запахнула плотнее тёплую кофту. Вжала голову в плечи.

— Мягче чуть-чуть кисть, мягче... Тогда и длительность сама на место встанет, — созерцание мерзкой февральской погоды не могло отвлечь Богуславскую исполнения её ученицей "Вальса" из "Детского альбома" Чайковского. И видеть кисть было не обязательно, чтобы знать, какая в ней ошибка.

Женя произнесла всё это, мгновенно ощутив дежавю. Когда-то такое её замечание ничем хорошим не закончилось. Она инстинктивно потерла правое запястье левой ладонью. Болюющая и тихая приходила в феврале даже чаще, чем в самом начале зимы. Возможно, из-за перемены погоды.

Ученица была горячо любимая. Талантливая. Из тех детей, что с самого рождения окружены безусловной любовью и, возможно, избалованы. Но любящее нелимитированное внимание делает их в итоге спокойными и открытыми этому миру. Уверенными в том, что все сокровища и все приятные вещи на свете существуют для них.

Рядом с этим ребёнком Евгения Владимировна Богуславская чуть-чуть оттаивала. И в её сердце и замерзшую душу прокалывался робкий солнечный лучик надежды на лучшее.

Урок кончился. Ученица, порывисто сильно обняв Женю, умчалась. Богуславская налила себе большую кружку чая, погрела об неё руки и снова уставилась в окно.

День уже заметно прибавился. Но февральские сумерки были примерно такими же безнадежными, как и октябрьские. Внешний нерадостный пейзаж перестало быть отчетливо видно. Зато теперь Женя видела в окне своё отражение.

Примерно также она отражалась в окне как раз в октябре. Только настроение было совсем другим.

Похоже, всё-таки зря Котэ Джапаридзе завидовал тому вниманию, которое доставалось Жене от Соколова на первом курсе. Теперь он чувствовал его на своей шкуре. А ещё точнее — на собственном самолюбии, которое профессор публично совсем не щадил.

Казалось бы, Котэ стоило придерживаться собственной теории до конца. Профессор ругает его исполнение потому, что считает талантливым и именно поэтому тратит на разбор его работ своё время и силы. Радовался бы.

Вот только когда дело касалось его самого, теория Джапаридзе почему-то не работала. Он откровенно злился, сначала старательно сдерживая внешние проявления. Молча выслушивал все замечания. Даже делал пометки. Кивал в ответ. Но получая новую порцию публичной критики, становился всё менее сосредоточенным. А как следствие — качество его исполнения падало ниже некуда.

— Константин, не смотрите сейчас в ноты, там не написано, какие у Вас должны быть мысли на этих трех фразах. Думайте, чёрт возьми, своей кудрявой головой! Должны же быть там мозги!

Профессор порывисто поднялся.

— Всё на сегодня. Хватит с меня безмозглого исполнения. Гаммы играют в школе! У нас тут консерватория. Это образование не для всех! — Соколов большими шагами покинул аудиторию, увесисто хлопнув дверью.

Группа испуганно притихла. В принципе, никого уже не удивляли резкие высказывания профессора. Доставалось, справедливости ради, всем его студентам. Но каждый из них, поступая целенаправленно на его курс, знал, на что шёл. Ради высокого уровня образования стоило терпеть резкость. Тем более, что она никогда не была направлена на личность исполнителя. А только на конкретное исполнение.

Котэ, даже не собрав ноты, выскочил следом за профессором, тоже громко хлопнув дверью.

Из коридора через несколько секунд донеслись звуки громкого спора.

Глава 22

22.

Возле лестницы на повышенных тонах разговаривали Соколов и Джапаридзе. Рядом стояла дама из деканата с папкой каких-то документов. Всё время трогала профессора за рукав. А тот отмахивался от неё, как от назойливой мухи, даже не оборачиваясь, глядя в упор только на своего студента.

Профессор выговаривал Константину, грозно сверкая глазами.

— Никакое Ваше настроение и состояние не должно мешать работе над программой! Пришли учиться — учитесь!

Это Женя расслышала приближаясь.

— Мне ничего не мешает! Я стараюсь! А Вы придираетесь! Никому больше столько замечаний не делаете! — Джапаридзе уже размахивал руками.

Богуславская испугалась. Этот идиот сейчас доведёт себя до исключения!

— Котэ, ты же сам мне говорил, что внимание профессора — это важно, что это полезно, — тихо почти на ухо Джапаридзе примирительно проговорила Евгения, ухватив его за локоть.

— Что ты лезешь, идиотка! Это вообще всё из-за тебя! — Константин резко скинул руку Жени со своей.

— Из-за меня?!

Женя не знала, откуда взялись силы и решительность — она со всей силы припечатала свою ладонь к щеке Котэ Джапаридзе. Развернулась на каблуках. И кинулась к выходу.

Лестничные пролёты мелькали под ногами. Ладонь горела. В голове стоял гул. Тяжёлую входную дверь Богуславская буквально вынесла. Выскочила в переулок. Её сумка больно била по левому бедру.

Глаза заволокло пеленой слёз. Женя шагнула вперёд. Мокрый асфальт проезжей части слился с тротуаром.

Резкий звук startующей с места машины ворвался в Женино сознание. Испуг был коротким. Богуславская рухнула коленями на тротуар, выставив вперёд правую руку.

Последнее, что она почувствовала, теряя сознание от резкой боли в руке, это как её обдало холодной грязной водой из большой лужи на проезжей части.

Сколько прошло времени, было не понятно. Слух вернулся первым. Было слышно голоса прохожих.

— Пьяная она, что ли? — спросил женский голос.

— Нет, не похоже, — ответил мужской.

— Ты посмотри, грязная же вся. Напьются, накурится, потом валяются в самом центре.

— Ну и что... Девушка! Девушка! Вы слышите? — Женю тронули за правую руку.

Острая боль окончательно привела её в сознание.

— Вам больно? — участливо спросил мужчина.

Женя поморщилась, стараясь не стонать в голос. Рука горела огнём. Сознание снова ускользало.

Следующий раз Женя очнулась от резкого запаха нашатыря. Оказывается, уже приехала скорая.

— Девушка, документы у Вас есть? Паспорт, полис? — резковато спросила фельдшер.

— Есть... Да, конечно, — Женя привычно попыталась полезть в сумочку, но правая рука не слушалась.

— Перелом. До премного довезем. Там посмотрят, — фельдшер критически оглядела Женю.

Из всего, что происходило в приёмном отделении больницы, Богуславская ясно запомнила только фамилию врача — Бабохонов. И то, только потому, что она была созвучна тому, что произошло. Стуку тяжёлых дверей Консерватории и звуку падения Жени на асфальт. Бабахнуло так бабахнуло.

Евгения не обращала внимание, ни на резкость пожилой женищины-регистратора, требовавшей полис, хотя в скорой его номер уже переписывали, ни на усталого рентген-лаборанта, крутившего её руку для снимка. Ни на невнятного помятого и явно бестолкового врача Бабохонова. Он очень больно повернул ей кисть, потом уложил её на скользкий холодный противный гипс.

На улицу она вышла уже в сумерках. С гипсом на правой руке, который весил, кажется, как пудовая гиля. И диагностированным переломом правого запястья.

Глава 23

С весной!

23.

В общежитии Богуславская появилась уже ближе к вечеру. Одной левой рукой не получалось даже позвонить. Правая рука в гипсе и на ленточке бинта весила прилично. И болела. Обезболивающее, которое ещё в скорой вкололи, уже закончилось своё действие.

Паровозова давно металась по комнате, как тигр в клетке, не зная, что и думать.

— Женька! — кинулась она к подруге, появившейся на пороге, — Господи...

Женя боковым зрением поймала своё отражение в зеркале. Краше в гроб кладут! Волосы слиплись, будто она голову неделю не мыла. Круги под глазами.

Вика вопросов не задавала. Хотя Женя видела, как той хочется подробностей произошедшего.

— Я вышла из консы. И неудачно перешла дорогу. Дождь же. Упала. Вот..., — Богуславская показала руку с гипсом.

— М-да..., — многозначительно промычала Паровозова, — Давай хоть помогу переодеться. И ужинать будем. Чем бог послал. Шёл, упал, очнулся — гипс*, — попыталась пошутить.

От шока и боли Женя не соображала ничего. Одной левой и кончиками правой руки, торчащими из гипса, управляться было практически нереально. Вика впахала в неё ужин. И заставила лечь в постель, выложив на тумбочку обезболивающие таблетки.

Весь ужас случившегося дошёл до Богуславской только утром следующего дня, когда Вика, предусмотрительно приготовив завтрак на двоих, ушла на занятия.

Женя разглядывала ставшую неподвижной кисть. Будто она чья-то чужая. Но не её. Пальцы были синюшного оттенка. Как будто это рука какого-то манекена. А не пианистки.

Примерно шесть недель в гипсе. Потом период восстановления. Для пианиста это катастрофа.

Все остальные занятия она сможет посещать. Писать лекции можно, в конце концов, на диктофон. Но играть! Как играть?!

Ответ был прост, ужасен и безжалостен - никак! Совсем никак. Вообще никак. Без вариантов.

Правой рукой точно. Ещё очень и очень долго. И та самая беглость, про которую говорил профессор, теперь останется только воспоминанием. Какой уж там конкурс имени Чайковского!

Женя рыдала долго и горько, уткнувшись лицом в подушку. Слезы заканчивались. Мысли смешивались в большой клубок, будто скользкие змеи. В голове не было ни одной мелодии, которая бы отражала её состояние. Ни одного даже самого примитивного мотивчика. Будто ваты напихали. И за инструмент не сядешь, не успокоишься привычным и таким действенным способом.

Вернувшаяся Паровозова обнаружила Женю обессиленно спящей. Глянула внимательно. Выходило, что Богуславская не только не обедала, но и не завтракала.

Рука у Жени болела сильно. Особенно почему-то по ночам. Она старательно глубоко дышала, стараясь не рыдать, чтобы не разбудить Вику. Та и так помогала, чем могла.

Женя несколько дней напролет просто лежала, глядя в потолок. Оказалось, что есть в этом что-то медитативное. Просто лежать. И только боль выдергивала из состояния полной прострации.

— Нет, Женька, так не пойдёт! Подъём! — села к ней на кровать Вика уже в первый выходной, — Лучший самурай — это мертвый самурай. Так Хакамада говорит.

— При чём тут самурай? Ещё и мёртвые, — вяло отозвалась Женя, глядя в стену. Хорошо, что стена была слева можно было почти спокойно отворачиваться.

— А притом, дорогая моя, что нужно сесть и продумать план на самый худший случай. Прямо решить, что самое худшее может случиться. И что ты тогда будешь делать. Я читала, что тогда всё даже самое тяжёлое окажется не таким уж устрашающим.

— Ну да, а еще надо думать не "За что мне это?", а "Для чего?", - саркастично хмыкнула Богуславская.

— Нууу, не знаю, для чего вся эта хрень тебе..., — вполне серьёзно выдохнула Паровозова, — Но всему этому вашему фортепьянному змеюшнику это шанс. Главный конкурент временно выпал из борьбы.

Глава 24

24.

Первую неделю Женя просидела на больничном. Потом решительно сообщила Вике, что намерена посещать все занятия. Кроме специальности, конечно. Хотя бы слушать. И устно отвечать.

Левой рукой Богуславская владела, разумеется, лучше, чем любой среднестатистический правша. Но всё равно не достаточно для того, чтобы полностью переложить на неё все функции ведущей руки.

Да еще и гипс, будь он неладен. Тяжеленный. Этот Бабохонов набабахал ей столько, что весом не укреплять руку, а сломать можно было. И всё под гипсом немилосердно чешется.

В режиме посещения части занятий Женя протянула ещё неделю. Организм держался исключительно на её энтузиазме. И просто не выдержал нагрузку. От боли в травмированной руке Женя едва не потеряла создание прямо на лекции по теории музыки. Лоб покрылся липкой испариной. Пришлось тихо отползти в коридор.

Ходить пешком в таком состоянии становилось просто небезопасно. Такси вышло бы совсем разорительно для Жениного и без того весьма скромного бюджета.

Богуславская короткими перебежками — от одной скамейки до другой, еле доползла до общежития. Ей хотелось просто упасть на кровать. Но с гипсом такие трюки не проделаешь. Женя медленно и с большим трудом разделась. И, старательно оберегая больную руку, улеглась. Вытянулась во весь рост. Гудело всё тело. От макушки до пяток.

Обидно было очень. Какое-то мгновение — и вся учёба полетела под откос. Да что учёба! Вся жизнь Жени Богуславской полетела к чёртовой бабушке! В своей беде ей винить было некого. Кто виноват, что она сломя голову выскочила? Что бы ни происходило — она сама за себя отвечает. Некого винить.

Надо было смотреть правде в глаза. Учиться она не сможет как минимум ещё целый месяц, пока не снимут гипс. Это уже ноябрь. Специальность в зимнюю сессию шансов сдать — ноль целых и ноль десятых процента. Нет шансов. Совсем.

Вечный вопрос "Что делать?" навис над Евгением. Вопросы "Кто виноват?" она разумно не задавала. Сослагательное наклонение — весьма притягательная штука. Едва начинаешь использовать — и тебя уносит дальше и дальше от реальности. А решать проблему никак не помогает.

Выходила очень невеселая арифметика. Придётся брать академический отпуск. И доучиваться, если каким-то чудом получится восстановить руку, со следующим курсом. Уже не у Соколова.

Про конкурсы придётся забыть. На неопределённый срок. Непонятно, сколько уйдёт времени на полное восстановление. Противный внутренний голос шептал ещё "если ты вообще восстановишься", но Женя старательно его заткнула. Конечно, она сможет восстановиться. Сколько таких примеров!

На самом деле, ни одного известного вдохновляющего примера полного восстановления пианистов после травмы рук в Женином жизненном багаже не было. И это огорчало. Почему-то вспомнился старый анекдот, который сейчас не выглядел забавным.

—«Доктор, когда мне снимут гипс, я смогу играть на скрипке?»

— «Конечно, сможете».

— «Странно, до перелома я не умел играть».

Обидно было ещё и то, что в академическом отпуске перестают выплачивать стипендию. Женина повышенная была для неё неплохим подспорьем. И то, Богуславская планировала начать подрабатывать. Но как это делать, когда одна рука в гипсе? Куда её возьмут?

Пожалуй, стоило всё же заняться планом "мёртвого самурая". Итак, если всё будет плохо, что она будет делать?

Для начала стоило определиться с терминологией. "Всё плохо" уже наступило. Что может быть ещё хуже? Где то дно, в которое не постучать снизу?

Выгонят из общежития? По идее, не должны. Получается, если взять академ, не станет учебы. И чем тогда заниматься весь день? Лежание глазами в потолок годилось в качестве временной меры, а не для игры в долгую.

Стоило попробовать пойти в нотный магазин. Там к ней хорошо относились. Покупателям всегда нравятся продавцы, которые понимают в том, чем торгуют. А Женя понимала. И умела рассказать увлекательно. Так, чтобы непременно захотелось не только ноты купить, но сыграть новое произведение.

Глава 25

25.

Ничто не могло утешить Женечку. Она рыдала уже несколько дней над собственным решением взять-таки академический отпуск. Решение это почти не имело альтернативы. Ну не бросать же консерваторию совсем!

— Женька, всё наладится, вот увидишь. И тот курс, который сейчас первый, гораздо приятнее, чем твой серпентарий. Нагонишь. И перегонишь ещё!

Вика очень старалась говорить максимально уверенно и бодро. Вот только Богуславскую не проведёшь. Встроенный чувствительный эмоциональный локатор ощущал, что Паровозова изо всех сил пытается быть убедительной, но вот только сама совсем не уверена в своих оптимистических прогнозах.

Сложнее всего было разговаривать с профессором.

— Евгения, Вы только, пожалуйста, не отчаивайтесь! — Соколов даже не скрывал, что очень расстроен, — Медицина нынче точно лучше, чем раньше. Вы только не бросайте музыку! Это точно Ваш путь! А Вы — настоящий боец!

Женя могла только кивать, с трудом сдерживая слёзы и всхлипы. Потому что, какая же может быть истерика у "настоящего бойца"?

— Сколько ещё надо быть в гипсе? - кивнул Соколов на Женину руку на перевязи.

— Если всё хорошо, то ещё четыре недели. Снимок надо будет сделать

— Стипендию же отменят, — это профессор сказал будто сам себе.

Женя кивнула. Да, так и будет.

— Евгения, как Вас по-отчеству?

— Владимировна.

— Так вот, Евгения Владимировна, – и Соколов положил обе руки Жене на плечи, — Как только снимут гипс, отправляйтесь-ка Вы, голубушка, преподавать. Да-да! — не дал Жене даже удивление высказать, — Во-первых, это заработок. И не надо краснеть. Музыкант не должен быть голодным. Это чушь! А честным трудом зарабатывать деньги — не стыдно. А во-вторых, пока Вы будете преподавать другим, даже самым маленьким, Вам откроется новое знание о музыке.

Женя подняла на профессора полный удивления взгляд.

— Не удивляйтесь! Это очень интересное явление. И скажу Вам по секрету, многие вещи по-настоящему стали мне понятны только тогда, когда я начал рассказывать об этом другим. Преподавание поднимет Вас на новую высоту.

Женя переминалась с ноги на ногу. Надо было бы вежливо попрощаться. И уже уходить. А потом очень крепко подумать в одиночестве, где ж она в середине учебного года найдёт место в музыкальной школе. Такой почти несбыточный вариант заработка. Того, что платят в нотном магазине, точно будет недостаточно.

— Так, Евгения Владимировна, пойдёте-ка со мной ка кафедру. Я кое-кому нужному и полезному позвоню.

Профессор решительно направился в сторону кафедры. Женя старалась успевать следом.

Соколов жестом предложил Жене сесть. Потом сам налил и поставил перед собой студенткой чашку с чаем. Придвинул блюдце с печеньем. Сам же долго и сосредоточенно листал какую-то записную книжку. Потом звонил по найденному номеру. И разговаривал с "голубушкой Ларисой Сергеевной". Как поняла Женя, с директором школы. Просил место для "своей самой талантливой девочки на курсе, у которой сложная ситуация".

Женя маленькими глотками пила чай, аккуратно держа чашку левой рукой, чтобы снова не разрыдаться. О ней заботились сейчас совершенно чужие люди. Которым, по идее, не должно было быть до неё никакого дела.

Котэ... А кто он ей, собственно? Однокурсник просто. От него никакой реакции не последовало. Так оно, может, и к лучшему. Не зря по роже получил. Гипсом сейчас получилось бы ещё увесистее.

С кафедры в тот день Женя вышла с номером телефона директора и адресом музыкальной школы с назначенной датой выхода на работу. С трудом соображая, что теперь не надо будет беспокоиться о деньгах.

И вот уже февраль на дворе. Время промчалось. Гипс сняли, но проблемы с подвижностью кисти, разумеется, не исчезли. Женя потеряла запястье, разминая травмированную руку. Взяла в ладони чашку с чаем. И снова глянула в окно.

Её маленькая ученица выбежала на улицу, размахивая яркой нотной папкой. И кинулась на шею к совсем молодому высокому мужчине.

Женя взгляделась. Кажется, именно его она видела в нотном магазине, когда была её смена. Было заметно, что он-то как раз совсем не специалист в музыке. И ноты выбирал явно для ребёнка.

Глава 26

26.

Упорства Жене было не занимать. Она разрабатывала обе кисти ежедневно. Левая, хоть и не травмированная, тоже потеряла форму. Хотя на неё и легла большая компенсирующая нагрузка. Однако, для бытовых нужд требуются совсем не те мышцы, что для игры на фортепиано.

Левой рукой уже вполне получалось даже жонглировать карандашом между пальцами. Правая же пока совсем не радовала.

Нейропатия срединного нерва — Богуславской естественно пришлось выучить свой неутешительный диагноз. Существенно снижена чувствительность ладони. И теперь ни о какой дециме на клавишах и говорить не приходится. От силы — шесть. Такой вот предел. Но это курам на смех, а не растяжка кисти профессионального пианиста.

Соколов ближе к концу года интересовался, собирается ли Женя восстанавливаться в этом году, или потребуется ещё год отпуска. Богуславская была настроена весьма решительно. Она и так еле пережила эти несколько месяцев.

Да, в её жизни была работа, любимая и понятная, приносящая невероятную радость. Но без возможности играть и развиваться как музыкант, Богуславская чахла, будто заброшенный на подоконнике в подъезде домашний комнатный цветок.

Визит в консерваторию, всего второй после травмы, оставил у Жени двоякое впечатление. С одной стороны — это был уже второй дом. А с другой — заботы студентов об очереди в буфете, о том, кто будет копировать ноты на группу и как прогулять физкультуру, но получить потом зачёт, теперь казались ей вообще не стоящими переживаний. Бог мой, ей бы такие проблемы!

Соколов оказался прав. Начав преподавать, Женя по-новому осмыслила самые азы. То, что было в неё вложено в музыкальной школе давным-давно и казалось уже частью её самой. Эти базовые знания теперь стали будто объемнее, значительнее и интереснее. Механика возникновения звука проявилась во всей своей ясности.

— О, Женя! Богуславская! — окликнули её на той самой лестнице, с которой Женя скатывалась в день травмы, а сейчас аккуратно и очень медленно практически сползала, держась здоровой рукой за перила.

На верхней ступени стояла староста Жениной бывшей группы Ира Лапина.

— Как ты? — Ира улыбалась вполне доброжелательно, хотя раньше в особых симпатиях к Жене замечена не была, — Вернёшься на следующий год? Говорят, у тебя проблемы серьёзные с рукой. Травма.

В словах Лапиной не было подвоха или насмешки. Это Женя ясно чувствовала. Но всё равно инстинктивно спрятала правую руку за спину.

— Да, я планирую вернуться. Были проблемы, конечно. Время для реабилитации ещё есть. Прости, пожалуйста, мне пора. Рада была увидеть тебя.

Богуславская и правда спешила. Учебный год в музыкальной школе закончился. И дополнительно к нотному магазину она устроилась официанткой в кафе недалеко от общежития.

Про реабилитацию Женя немного лукавила. Для полноценного выздоровления одного её горячего желания и упорства маловато было. Нужен был длительный курс физиотерапии. Специальный массаж, магниты — это как минимум. Плюс специальные препараты и витамины. Бесплатно Жене полагалась лечебная физкультура и электрофорез. Этим не восстановишься. Остальное — только за дополнительную плату. Про массаж Женя прочитала всё, что было в интернете. И очень старалась делать его сама. Насколько это было возможно левой рукой.

Работа в кафе Женю сначала напугала. Как она будет управляться с посудой, если правая рука ещё не очень слушается? Но больше чем за полгода, прошедшие после травмы, левой тоже получалось весьма неплохо. Да и летом это очень неплохая подработка. Не музыка, конечно. Но деньги. Это сейчас было важно.

Посетители бывали разные. Женя любила, когда приходили счастливые семьи с детьми. Ей хотелось верить, что и она когда-нибудь вот так будет сидеть на веранде какого-то кафе, пить капучино с эклером. Рядом будет сидеть её муж и кормить мороженым их дочку. Или сына. Это не важно. А под столом будет лежать их большая собака и ждать, когда же вся семья снова пойдёт гу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.